

Аркадий Первенцев

КОЧУБЕЙ

КОЛЛЕКЦИЯ
Военных
Приключений

Военные приключения (Вече)

Аркадий Первенцев
Кочубей

«ВЕЧЕ»

2019

Первенцев А. А.

Кочубей / А. А. Первенцев — «ВЕЧЕ», 2019 — (Военные приключения (Вече))

ISBN 978-5-4484-7792-8

Роман дважды лауреата Государственной премии СССР Аркадия Первенцева «Кочубей» посвящен истории Гражданской войны на Северном Кавказе. Это время выдвинуло целую плеяду военачальников, вышедших из народа, многие из них стали выдающимися людьми своего времени. Один из них Иван Кочубей — главный герой этой книги. Широко известный роман, по мотивам которого был снят популярный фильм.

ISBN 978-5-4484-7792-8

© Первенцев А. А., 2019

© ВЕЧЕ, 2019

Содержание

Глава I	5
Глава II	6
Глава III	8
Глава IV	10
Глава V	13
Глава VI	16
Глава VII	19
Глава VIII	26
Глава IX	29
Глава X	35
Глава XI	39
Глава XII	42
Глава XIII	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Аркадий Алексеевич Первенцев

Кочубей

Глава I

Екатеринодар был оставлен. Кочубей уходил к Армавиру, прорываясь к главным силам. Вслед ему, покидая станицы, на быстрых конях стремились казаки.

– Примай, батько, до своєю табору, – просили они.

– Добре, хлопцы, добре, – зорко вглядываясь в новых бойцов, говорил батько. – Не пытаю, що вы за люди и що вы до цього робили, бо я не поп-батюшка, а прошу вас порубить вон тех беляков, що задерживают нас биля¹ того витряка...

Пели над головами кадетские пули. Кидались в седла хлопцы, на скаку выхватывая узкие кубанские пашки. Клубилась жестокая рубка у ветряка. Очищалась дорога. Кочубей улыбался, надвигая до самых белесых бровей папаху, скакал к месту боя.

– Добре рубались, добре... Накрошили капусты... Надо зачислить до части.

Мелькали по балкам станицы и хутора. Зеленели поля кукурузы и подсолнуха. Местами из диких тернов и зарослей донника взвизгивала встревоженная птица: коршуны-шулеки, ястребы. На курганы взлетали всадники головной походной разведки. Приподнимались в стремени, выглядывая путь-дорогу.

Вел отряд осторожный Рой, бывший есаул, а сейчас начальник штаба. Недавно выбился в есаулы за разумную отвагу и сметку. Только год назад у озера Ван поздравил генерал Баратов сотника Роя с высоким казачьим чином. Не было сейчас на плечах его офицерских различий...

– Начальник штаба, может, собьем кадета? Раньше нашего занял станицу, – проверял есаула Кочубей, получив донесение о крупных силах, преградивших путь.

– Успеем еще порубаться вволю, надо обойти по Сухой балке, – советовал Рой.

– Добре! Такая и моя думка, – соглашался Кочубей, и отряд избегал западни.

Пепельной пылью покрывались лица, крупы лошадей и лаковые крылья таврических тачанок. Кони-зверюги несли те тачанки.

Забияка ветер играл красным бархатом отрядного штандарта. Золотые махры горели под солнцем. Переливались шитые кореновскими монашками буквы. Под штандартом – родной брат Кочубея, Игнат. Когда схватывались степные ветры, нарочно разматывал знамя Игнат на всю ширину тяжелых полотнищ. Клонился гнедой Игнатов жеребец, разметанная полоскалась грива, и казалось – ныряла в степных волнах порывистая лодка под бархатным парусом. Да разве одному Игнату было любо и дорого багряное знамя!..

¹ Биля – около (укр.).

Глава II

Сорокин полулежал на покрытой текинскими коврами тахте. Он был в чесучовом бешмете и мягких кабардинских чувяках. Рядом с ним, в офицерском, наполовину расстегнутом френче, Одарюк – начальник штаба. Возле них – карта-двухверстка. Сорокин свысока бросал грубые отрывистые замечания. Его убеждал ровный голос Одарюка. Постепенно главноком все меньше и меньше прерывал своего начальника штаба, а голос Одарюка слышался громче и уверенней.

Главноком Сорокин значительно похудел за последние дни. Скулы обострились, пожелтели. Обычно лихо закрученные усы опустились книзу. Главноком был не уверен в завтрашнем дне, прежняя слава его потускнела. Больше двух месяцев его преследовали неудачи.

Он зашагал по комнате. Резко поворачивался, бормотал, будто ни к кому не обращаясь, но зная, что его слушает Одарюк, старался и свои неудачи объяснить своим величием:

– ...Сорокин отстоял Екатеринодар, Сорокин создал армию, Сорокин не допустил немцев на Кубань, Сорокин сам неоднократно кидался в атаки, и только его боялись враги...

Главноком остановился у окна, замолчал.

– Сорокина обвиняют, что он дал отдохнуть и собраться с силами Добровольческой армии. Сальские степи родили Деникина, – тихо сказал Одарюк.

Сорокин обернулся, сжал кулаки.

– Что вы этим хотите сказать?

– Наши неудачи – результат излишней боязливости. Боевые действия на Кубани характерны, – убеждающе продолжал Одарюк. – Кто имеет большую территорию, тот сильнее. В Гражданской войне армии создаются на местах и снабжаются тоже из местных ресурсов. Деникин оправился от екатеринодарского поражения в Сальских степях, а окреп и раздался вширь, только выйдя оттуда...

Щеголеватый адъютант главнокома Гриненко доложил о прибытии Кондрашева. Сорокин, видимо, обрадовался.

– Пусть заходит, – распорядился он.

Кондрашев, быстро войдя, отрапортовал:

– Прибыл с фронта по вашему вызову, товарищ главнокомандующий.

Главноком испытующе оглядел его. Коренастый, подтянутый, с небольшими черными усиками на умном энергичном лице, в темной черкеске, оттененной мягким блеском ценного казачьего оружия, – таков был начальник второй партизанской дивизии, пока еще мало известной главнокому. Части дивизии организовались самостоятельно в предгорье из шахтеров, железнодорожных рабочих, фронтовиков-солдат и казачества и вошли в Одиннадцатую армию с подходом ее в эти районы.

– Садитесь, – предложил Сорокин.

Кондрашев, мельком оглядев тахту, спросил:

– Не замараю, товарищ главнокомандующий?

Сорокин, метнув глазами, сдержанно буркнул:

– Разрешаю... – язвительно скривил губы. – Привыкли в навозе спать – вот и странно.

Кондрашев, ничего не ответив, сел, откинул полы черкески. Армейские юфтовые сапоги его были забрызганы грязью. На спине, лице густо лежала пыль. Сорокин присел возле него.

– Думаем добавить тебе славы, – испытующе глядя на Кондрашева, сказал он.

Кондрашев недовольно сдвинул брови, ожидал. Сорокин, прищурившись, но не спуская глаз, помолчал, потом медленно встал. Кондрашев тоже поднялся, откинув за бедро маузер.

– Шкуро, захватив Невинномысскую, закрутил нам горло. Натянет еще раз и задушит. Сегодня ночью вы должны взять Невинномысскую, – твердо отчеканил Сорокин. – Вам при-

даются Дербентский, Выселковский, Крестьянский полки, конный Черноморский и... партизанский отряд Кочубея.

– Кочубея?! – удивился Кондрашев. – Слышал об этом командире. Да ведь он крутится в тылах белых.

Главком довольно ухмыльнулся и пальцем подозвал к окну Кондрашева. Во дворе играли в карты конвойцы. В тени амбара спали дюжие казаки, раскинувшись на душистом сене. У коновязей лошади, мучимые жарой и мухами, терлись одна о другую и нервно помахивали хвостами. Недалеко, в направлении станицы Ольгинской, привычно перекачивались звуки оружейной стрельбы.

– Кочубей подходит, – вслушиваясь, сказал Сорокин. – Прорвется сукин сын все-таки. Подробно – у Одарюка...

Одарюк взял Кондрашева за локоть.

– Дмитрий Степанович, – ласково сказал он, – выйдемте в штабную комнату, я вам сообщу диспозицию сегодняшней операции.

Сорокин вдогонку крикнул:

– За Невинку – приезжай – угощу коньяком. – Обращаясь к адъютанту Гайченцу, подмигивая, приказал: – Позови Щербину: он нам пока что организует выпивку.

Глава III

Сорокин не ошибался. В знойный полдень, ложно демонстрируя на правом фланге, беспокойный Кочубей прорвал стыки двух офицерских бригад. Когда белые сомкнулись, то внутри хитро задуманного охвата никого не было. Отряд Кочубея, минуя левобережную Ольгинскую, карьером вырвался на высокий берег Кубани. Кочубей бросил в ножны горячий клинок, и фанфары торжествующе прокричали сигналы отбоя и сбора. Огненный ливень с того берега размывал подножие великого Ставропольского плато. Отряд был вне огня. Опаленные боями, измотанные до этого трехсуточным бессонным маршем, бойцы как бы размякли. Сойдя с исхудавших коней и навернув на кулак повод, кочубеевцы раскидались на кулигах зеленого пырея. Соперничая с пионами и тюльпанами, вызрели по степи яркие цветы их башлыков, шаровар и шапок. Мертвым сном спал отряд, кое-где свалились и лошади. Коней мучила жажда, и они не могли есть.

Кочубей был доволен успехом. Дав поспать адъютанту Левшакову не более получаса, растолкал его и грубовато приказал:

– Поедем поглядим, як там раненые да убитые.

Они пробирались между спящими людьми. Кони осторожно ступали копытом, а иногда перепрыгивали через несуразно разметавшегося человека. Левшаков, мучимый озорством и скукой, замахнулся на одного преградившего им путь казака, но Кочубей сердито остановил его:

– Не замай ты, шпингалет! Ослеп, чи шо? Это ж Пелипенко, взводный с партизанской сотни, добрый рубака.

Пелипенко лежал с распахнутой до пупка рубахой и храпел так, что лошадь его, перестав щипать пырей, обнюхивала его и фыркала.

Кочубей, отъехав и обернувшись, спросил:

– Мабуть, заметил адъютант, гайтан на шее Пелипенко?

– Ладанка? – догадался Левшаков. – Говорят, помогает, если с Христовым волосом.

– Во дурень, а ще мой адъютант! – покачал головой Кочубей. – Где ж у Христа столько волосьев? Таких Пелипенко – як голыша в Кубани. То крест у него. Нияк от старого режима не отвыкнет.

Обозники спали на полостях, под возами. Раненые – их было человек пятнадцать – тоже дремали. Некоторые, тяжело раненные, стонали. Их бережно поила теплой водой из кубышки сестра милосердия, красивая девушка-казачка.

Кочубей, сойдя с лошади, шел по рядам повозок, сбивая плетью головки засохших маков.

– Вот тебе и баба, адъютант!

– Баба завсегда крепче мужика, товарищ Кочубей, – убежденно сказал Левшаков, пытаясь идти в ногу. Левшаков семенил, путал шаг и смущался неумением на ходу переменять ногу. Чуб его был мокр, щеки покрыты пылью, лицо обветренно и шелушилось. Нос облупился, и с него сходила уже, как говорят казаки, третья шкура.

– Это ты верно говоришь, – ухмыльнулся Кочубей. Посерьезнел. Повернувшись, быстро заговорил, не глядя на Левшакова: – Милосердие баба больше понимает, вот шо, дорогой мой адъютант. Тебе человек як блоха, а ей все як сын. Вот хлебороб! Кинет он хлеб в навоз? Нет. А горожанин кинет. Бо он не знает, кто и как тот хлеб рожает.

Заметив командира отряда, сестра милосердия оправила волосы под платком и облизнула яркие губы. Кочубей, подойдя, подал руку.

– Молодец! Оце милосердие. Як кличуть-то тебя?

– Наталья.

– А где убитые, Наталья?

– Там, – она указала в сторону тачанок.

Уходя, Кочубей спросил:

– А боевое дело як?

– Тоже могу, товарищ Кочубей, – задорно ответила женщина.

– О! – удивился Кочубей. – Вот так загвоздила. Шо ж ты можешь? С пушки аль с пулемета?

– Нет, – застеснялась она, – я как придется...

– Добре, добре, – похвалил Кочубей, – поглядим, яка ты до кадета милосердная...

Убитых было трое: два казака и третий иногородний, неизвестно откуда взявшийся в отряде. За робкий нрав и безответность его посчитали придурковатым и из оружия ему доверяли только старую драгунскую шашку, да и то без ножен. Этой шашкой он во время утреннего прорыва, когда напали на него сразу трое, зарубил двух пеших юнкеров. Третий же, стащив его с седла, заколол штыком. Трупы лежали прикрытые тонким рядном. На рядне проступила кровь. Серыми густыми пятнами сидели мухи. Кочубей, гневно согнав мух плетью, приподнял край брезента. Покачал укоризненно головой. Скрипнул зубами. Сердито растолкав дремавшего у трупов дневального, пошел обратно.

– Бережу, бережу бойцов, а все убивают, – тихо бормотал он. – Яку б такую на людей бронированную силу одягнуть², щоб пуля не взяла?

Уже спускаясь с пригорка и проезжая сухой глинистой впадиной, он снова прервал тягостное для жизнерадостного Левшакова молчание:

– Во, адъютант. Видел ты? Убиты трое: два казака и городовик. Слухай сюда, Левшаков. Да эка ж меж ними разница? Все люди, трудящие люди, все под ярмом холки понатирали, дай боже... Казаки с Новой Рождественки, я знал их, были они соседи, с одного кварталу. Спрягались для пахоты по паре коней. Землю им удружили далеко, верстов за двенадцать от станицы, на бугре. Никогда у них, у супрягачей, не родило. Все зерно ветры выдували. А зимой – до богача в работники. Пришли в отряд до меня, под Выселками. Кони, як зайцы, у них были: одни уши, а вместо седел – подушки... Потом справились. – Кочубей сплюнул и потрянул головой. – Второй казак зря сгиб. Выручать дружка кинулся, сопли и поводья распустил, а кобыла споткнулась. Тут его и взнуздали. Дурень...

² Одягнуть – надеть.

Глава IV

Противник вел перестрелку с батареями Кротова. Кротова окрестили заклепщиком: метким огнем он заклепывал орудия противника. Кротов был начальником кондрашевской артиллерии. Сегодня, искусно передвигая орудия, вводил в заблуждение белых. Снарядов не хватало, и Кротов бил только по верным целям. В станице кое-где горели дома. Сероватый дым, пригнанный ветром до Кубани, клубился с того берега предрассветным утренним туманом. Мосты через Кубань – один железнодорожный, второй гужевого – были укреплены.

Внимательно шаря биноклем, Рой определил плотные проволочные заграждения, опускавшиеся крыльями в воду, и значительное оживление у мостов.

– Основной удар надо делать по мостам, – сказал Рой, опуская бинокль. – Через реку трудно. Кубань тут здорово крутится. А на бродах кадеты нагнездили пулеметов. Дурная курятина, товарищ Кочубей.

Кочубей выискивал места, уязвимые для прорыва. Чтобы было видней, он стал на седло, и ветер трепал его яркий башлык. Спрыгнув с седла, Кочубей враскачку подошел к начальнику штаба.

– Почитай еще раз приказ, начальник штаба.

Рой, пошарив в полевой сумке, вынул приказ, прочел:

«Товарищу Кочубею

Главком приказал взять сегодня ночью Невинномысскую и уничтожить части белых. Вашему отряду в районе хутора Усть-Невинского переправиться совместно с Отрадо-Горным пехотным полком через Кубань. У Невинномысских высот сосредоточиться к 3 часам 30 минутам. Ударить на станицу с юго-восточной стороны. Левый фланг охвата обеспечивается Черноморским кавполком. Фронтальный удар наносишь ты, условный сигнал – орудийный выстрел с высоты 216.

Помощник командующего войсками фронта

Кондрашев».

– Стой. Всего ты б мне и не читал, – скривился Кочубей, – читай главное.

Рой откашлялся.

– «Ваня. Я тебя еще не видал, но слышал много. Сильно на тебя надеюсь и на твоих казаков. Дмитрий».

Кочубей передернулся, на лице забегали мускулы, нахмурился, потом улыбнулся, взял бумажку и, далеко отставив от себя и ткнув пальцем, важно спросил:

– Где тут написано «Ваня»?

– Вот, – указал Рой.

– А «Митрий»?

– Вот.

– Добре. Начальник штаба, Невинку треба взять, – твердо сказал Кочубей. – Хлопцам вели потуже очкуры³ подтянуть да шашки поострить о голыши.

Когда Рой повернулся, Кочубей остановил его и медленно, будто высказывая только сейчас пришедшее решение, приказал:

– Людей и коней накормить. Як потемнеет, спустить отряд вот туда, – он указал на мельницу Баранова и шерстомойку.

Далекая, вытянутая по Кубани левада была пустынна. Двухэтажный дом мельника можно было определить только по рыжему пятну крыши: видно, окружили дом немалые поля и акации.

³ Очкур – пояс казацких шаровар.

Левада находилась под действием прямого огня противника. Кочубей понимал сложность задачи.

– Як ты кумекаешь, начальник штаба?

Рой, передернув плечами, поднял бинокль. Несколько минут длилось молчание. Наметанный глаз есаула вновь обследовал опасные подходные пути и удобные для конницы места сосредоточения. Мелкая лощинка, пожалуй, поможет провести спешенные сотни. Он опустил бинокль и утвердил решение Кочубея:

– Рискнем. По мостам ударить только с левады. А для пехоты пробег большой. Только нужно незаметно.

– То твое дело. Стремена подвязать, на копыта – тряпки. Хлопцев предупреди: за сигарки и разговоры – плетюганов... – Внезапно оборвав речь, схватил Роя за руку: – Глянь, глянь, як Кондрашев подтягивает брюхолазов!

– Тактически правильное решение задачи, – похвалил Рой, оценивая местность, – принцип внезапности. Туманы тут бывают по утрам. Неожиданная атака. Когда мало снарядов – это, пожалуй, единственный выход.

Кочубей не скрывал восхищения:

– Вот тебе и пехота! Як ужи!

Незаметно для противника, почти не отрываясь от земли, переползали открытые места пехотинцы. Пехота накапливалась к небольшому хутору Рождественскому. Бесшумно ползли разношерстные бойцы второй партизанской дивизии Кондрашева, Дербентского и Выселковского полков: ползли казаки, не сумевшие еще добыть себе коней, – завтрашние бесстрашные кавалеристы; ползли иногородние: бондари, плотники, сапожники, овчинники; ползли старые солдаты в обмотках и выцветших гимнастерках, с винтовками, пронесенными через фронты, и невинномысская мастеровщина из депо и железнодорожных мастерских; лезли шахтеры хумаринских копей и рядом с ними рудокопы серебро-свинцового рудника, вон из-под того Эльбруса, сейчас только чуть угадываемого за дымами пожарищ и пылью, поднятой ветром с широкого Недреманного плоскогорья.

Кочубей долго наблюдал за этим гибким человеческим потоком. Потом тихо распорядился:

– Иди, начальник штаба, да кликни ко мне Володьку.

Он опустился на землю, а поодаль, не спуская с него глаз, на корточках сидели его верные телохранители – черкесы.

Впереди всех Ахмет Муртузиев. Косые лучи заходящего солнца играли его золотым оружием. Не уважают адыгейцы чеканной оправы. Белой слоновой костью испокон веков украшали мастера племени Адыге клинки, кинжалы и пояса своих джигитов. Но пришел отец Ахмета, потомок известных абреков, в Адыгею как переселенец отсюда, из предгорной Черкесии, где любят чеканку золотую и серебряную с чернью. Принес свои вкусы и обычаи в адыгейский аул. Поэтому веселится солнце, перебирая лучами своими золотую орнаментовку.

Тихо пели черкесы, в такт покачиваясь гибкими телами. Подпевал им и начальник их – знаменитый джигит Иван Кочубей.

Прибежал вызванный Кочубеем Володька – любимец Кочубея, воспитанный отрядом мальчишка, неизвестного роду и племени, партизанский сын, как звали его в отряде.

– Я тут, батько! – вытянулся Володька. Быстрые, угольные глаза его были лукавы.

– Гони в штаб к Кондрашеву и передай ему...

– Пакет? – быстро и обрадованно перебил Володька, большой любитель скакать сломя голову с важными донесениями.

– Во дурень! Шо я, чернильная душа, чи шо? – шутливо шлепнув его плетью, сказал Кочубей. – Надо передать ему три слова... – Кочубей подумал, выискивая наиболее веские

и убедительные слова. Володька ожидал, наклонив корпус вперед. – Передай Кондрашеву: «Невинна завтра будет наша!..» Во! – приказал Кочубей.

Володька рванулся вперед, но потом остановился, повернулся к Кочубею, сморщил лоб, развел руками.

– Чего ж ты, пень? – озлился Кочубей.

– Невинна завтра будет наша, – повторил вслух и будто недоумевая Володька. – Выходит, четыре слова, а сказали – три слова передать.

– Тю тебе, во грец! – воскликнул пораженный Кочубей. – Ишь, який грамотюка. Передай так: Невинка будет наша! Да останься у Кондраша для связи.

И когда в низкорослом дубняке исчез гонец, Кочубей, упершись в бока кулаками, покачал головой:

– Ученый шпингалет! Уже батьку учит. Давно в Батайске с буфера сняли?.. А верно!.. Не только завтра будет нашей Невинка... Завсегда, навек!..

Глава V

Ночью бригада выступила к мельнице Баранова. Не звякнув ни стременем, ни котелком, кочубеевцы спустились по балке и сосредоточились на берегу Кубани. Кочубей, оставив заместителем Михайлова, выехал к Рождественскому хутору в рекогносцировку, прихватив с собой Роя, Левшакова и Ахмета. Они двигались в густой южной темноте, и кони, мягко ступая копытами, непривычно обвязанными тряпками, передвигались и похрапывали.

– Надо поглядеть, начальник штаба, шо и як... пехота же, – тихо делился своими сомнениями Кочубей, прикинув к уху Роя. – Митро думает, шо я всю бригаду пошлю вплавь... Может, нема расчета व्यюки в речке полоскать, может, помогнем невзначай Митьке. Проскочим в Невинку по мостам?

Оставив Ахмета с лошадьми у околицы, они пошли в хутор. У хат, заборов, канав – повсюду лежали люди. Близко бежала Кубань, и с вражеского берега слышались голоса и тихое пение. Изредка оттуда постреливали по хутору, – очевидно, белые не догадывались об операции.

– Во це гарно, дуже гарно старбузовались, – шептал Кочубей, всегда умевший ценить подлинное военное искусство.

Поймав слухом приглушенный, тихий говор у реки, они крадучись подошли к группе лежащих людей. Поднялись штыки. Кочубей отпрянул:

– Тю, нечистая сила, своего чуть не запороли, як кабана.

– Пропуск? – спросил один.

– Да я – Ваня Кочубей!

– Пропуск? – отдельно повторил тот же голос.

– Начальник штаба, скажи им пропуск, я шось запомятовал, як там...

– Мундир.

Штыки опустили. Человек в мохнатой папахе, спросивший пароль, шепнул на ухо Рою отзвук:

– Москва. – И добавил, не оборачиваясь: – Ложитесь!

Невдалеке еле слышно стонал человек.

– Шо с им? – спросил Кочубей.

– Высунулся, ранило, – отвечал человек в папахе.

– Пулька дура: высунулся – и чик его, – скороговоркой произнес лежавший рядом; у него был тонкий, даже пискливый голос.

– В бедро ранило, – добавил третий, в черкеске.

– Перевязку-то сделали? – забеспокоился Кочубей.

– Да. Старцев перевязал, как умел, – ответил человек в папахе. – Ему больно оттого, что кричать нельзя. Будь ему свободней, он бы всю боль криком выгнал.

– Надо сестру с моего госпиталя. Добра есть у меня милосердная сестра.

– Как хвалиться, лучше позвал бы.

– Надо – позову.

– Ну как же не надо, – заметил тот, что был без шапки, – до утра кой-кого еще подденет...

Кочубей приказал:

– Адьютант, за сестрой!

В темноте скрылся Левшаков, самый преданный и самый, по внешнему виду, невзрачный адъютант, которого знала история. Он с гордостью именовал себя адъютантом, но никогда не интересовался внешними отличиями этого чина. Однажды ему предложили аксельбанты, снятые с убитого офицера. Аксельбанты Левшакова обидели, и он приспособил их на репицу своего боевого коня.

Кочубей, отослав Левшакова, полюбопытствовал:

– А кто ж вы будете: рядовые брюхолазы або начальство?

– Можно и познакомиться, – просто сказал человек в папахе. – Кандыбин – помощник комиссара фронта.

– Старцев – военный руководитель, да и комиссар тоже, – представился человек в черкесе.

– А он тоже комиссар? – неприязненно, ткнув пальцем в третьего, с тонким голоском, спросил Кочубей.

– Нет, это Птаха – командир кавалерии у Кондрашева. Наездник, – ответил Кандыбин и передвинулся ближе к плетню, так как ему показалось, что с той стороны плеснули весла.

– Эге, – покрутил головой Кочубей, – этот для меня понятный, вот этот самый Птаха, а вот як комиссары в самый переплет влипли, га?

Кандыбин сдержанно засмеялся.

– Потому что комиссары, больше не почему.

Вскоре прибыла сестра. Вынырнув из темноты вслед за Левшаковым, она деловито спросила:

– Где раненый?

Раненый подполз. Наталья начала возиться около него, тихонечко покрикивая:

– Ну-ну, не скули. Переворачивайся же! Ну и колода! Пустяковая рана. Тише скули, а то кадет подслушает. Ну и мужики дохлые пошли.

Пехотинец был ранен в бедро, потерял много крови. Рана была серьезная. Боец поворачивался с трудом.

– Эй, вы, – позвала Наталья, – помогите! Замучилась.

Провожаемый шутками товарищей, на помощь подполз боец.

– Ничего не вижу. Куда тащить?

– Не знаешь куда? Первый раз? – прикрикнула на него сестра.

Раненый вскоре притих и лежал, будто перерезанный надвое белым бинтом перевязки. Наталья, развернув узел, принесенный с собой, наливала в кружку молока. Во фляге булькало, и помогавший Наталье боец, почуяв, что у нее имеется кое-что перекусить, потянулся к узлу. Наталья ударила его по спине.

– Прими руки. Это раненым.

– Да, может, я сейчас буду раненый, – отшучивался солдат.

– Таких пуля за три версты облетает.

Начальник штаба, оставив Кочубея разговаривать с новыми знакомыми, присел возле Натальи. Она была в кофте из легкого ситца.

– Легко одеты, ночь довольно холодная, – заметил Рой, притрагиваясь к ее полной руке.

– Ладно уже, заботливый, – отрезала Наталья.

Рой этого не ожидал. Он сам не заметил, как прикоснулся к ее руке. Ему было неприятно, что эта белокурая красивая девушка, которой он часто любовался издали, истолковала его жест ложно.

– Да нет же, вы меня не так поняли, – пробовал он оправдаться.

– Куда уж мне понять... Ладно, уходи. Пристала к вам, жалею... Липнете все, как мухи... Тошно!

– Вы останетесь здесь, в хуторе, – решив уйти, сказал Рой. – После взятия станицы – на прежнее место. Вероятно, на правый берег переведем санитарную часть не раньше завтрашнего вечера.

На обратном пути Кочубей нервничал:

– Надо поспешить. Проваландаешься тут, и, может, так дело повернется, шо комиссары Невинку заберут, а Кочубей будет у кобыл хвосты обкусывать.

И категорически распорядился:

– Оставь, начальник штаба, в леваде особую партизанскую сотню, а всех остальных – по Митькиному приказу. Надо, мабуть, на переправу послать с отрядом Михайлова и того белявого, шо Кондраш прислал вечером. Як его?..

– Батышев?

– Вот, во, Батыша. Он, кажись, добрый рубака, сердитый с виду и при всей форме...

В полночь Михайлов увел большую часть отряда.

Глава VI

Кочубеевский гонец Володька, ласково принятый Кондрашевым, был накормлен и оставлен связным при штабе. Сюда являлось множество командиров. Одни из них были похожи на блестящий комсостав Кочубея и радовали сердце Володьки напускной грубостью и богатством оружия, другие же казались серыми и обыкновенными.

Володька сидел у ворот на дубовой корчаге. Ворота были сняты с петель и стояли поодаль, у забора. То и дело к штабу подлетали верховые, соскальзывали с седел и, торопливо привязав коней, бежали в дом. Во дворе дежурили ординарцы – черкесы. Они стояли у подседланных коней, красивые и затянутые в черкески; если и говорили, то все вместе, а если молчали, то тоже одновременно и долго.

– Свяznego Кочубея, – зычно крикнули из окна, – до комиссара Струмилина!

Володька, оправив парабеллум и отряхнув синие, касторового сукна, шаровары, медленно пошел к дому. Он здесь представлял отряд непревзойденного, по его мнению, командира Кочубея, и поэтому следовало держаться солидно.

– От Кочубея? – спросил вошедшего в комнату Володьку улыбающийся белокурый человек в солдатской гимнастерке.

– Да, – важно ответил Володька.

– Вот что, парень. В вашем отряде есть коммунисты?

Володька, прежде чем ответить, оглядел присутствующих: запыленные люди, по виду из железнодорожных рабочих, знакомых ему по прежней беспризорщине. Люди, очевидно, прибыли с фронта.

– Нет коммунистов в отряде, – гордо ответил Володька.

– Я ж говорил тебе, Саша, нет большевиков у Кочубея, – развел руками Павел Ковров, боевой друг комиссара, старый товарищ по рудничному забою.

Володька вспыхнул.

– Врешь ты! Коммунистов нет – это да, а большевики есть.

– Кто же? – насторожился обрадованный Струмилин.

– Я, батко Кочубей, Михайлов, Наливайко, Рой, Пелипенко, – захлебываясь, перечислил Володька и совсем неожиданно выпалил: – Весь отряд большевики.

Когда поумолк смех и люди утихли, комиссар, деловито объяснив обстановку коммунистам, отпустил их по частям. Все коммунисты были расписаны по ротам рядовыми бойцами, и сам комиссар был рядовым первой роты. Вечерело. Штаб постепенно пустел. Вскоре, когда в темноте пропали Кондрашев и Струмилин, черкесы отвязали от крыльца пику с красным флажком и повезли ее к новому командному пункту.

Ночь и напряженность ожидания усиливали шорохи, и обычный голос Кондрашева, не сниженный до шепота, казался Сердюку громким криком в этой удивительной тишине, насыщенной только редким шуршанием ящериц и стрекотанием цикад.

– Сердюк! Тебе первый удар по мостам. Кочубей и черноморцы на флангах. Помни, Сердюк, чтобы не было повторения прошлого боя...

Сорвался Сердюк, безмолвный и решительный командир батальона, и лег за его скакуном невидимый ночью след по влажным степным пыреям и белоголовнику. «Не будет того, что было в прошлый раз».

О позоре недавнего наступления так и записал в свой дневник – желтую полевую книжку – командир второй партизанской дивизии, бывший сапожник и фронтовик Кондрашев:

«...После своего прибытия Сорокин вызвал меня и приказал: ввиду нашего сегодня наступления мы должны сейчас же раздать каждому бойцу спирту столько, сколько тот хочет, а после этого мы поведем наступление на станцию Невинномысскую. Приказание было

дано. Через час повели наступление. Время было четыре часа пополудни, в летний жаркий день. Расстояние до моста было не более трех-четырёх верст. Ввиду знойного дня опьяненные бойцы легли по всему полю и заснули. Некоторые из них кричали: если бы еще немного дали, то лучше было бы наступать. А другие ругали командование, что их напоили. Ввиду страшной жары тут и без того человек валялся, а когда выпили по кружке чистого спирта, то, безусловно, все свалились, и им было уже не до наступления, а все хотели спать. Гайченец перед наступлением темноты высылает кавалерию по всему фронту поднять пехоту и совместно с ней пойти в наступление. Конечно, этого кавалерия сделать не смогла, но тем не менее она послужила для пехоты заслоном, что могло спасти пехоту от налета белых. Видя, что кавалерия бездействует, Гайченец выезжает со мной по дороге, ведущей в село Ивановское, на мост Невинномысской и встречает нескольких едущих кавалеристов. Он напал на них и начал их ругать: «Вы хулиганы и барбосы, не выполняете нашего приказа и не пошли в наступление». Один из них отозвался в свое оправдание; тогда Гайченец, не долго думая, выхватил маузер и пристрелил кавалериста. Тут все как один бросились на него и хотели его срубить, но мне пришлось их успокоить, а Гайченец скорее бросился на лошади бежать к штабу Сорокина. Я бы и сам его с удовольствием срубил – убитый боец был хороший казак, но это была бы анархия и нашей партии не была бы от этого польза. К утру пехота проснулась и заняла старое исходное положение...»

* * *

Михайлов, пройдя подножием плато около девяти верст по Ивановскому тракту, достиг реки Большой Зеленчук, которую перешел вброд у хутора Иванча. К двум часам ночи Михайлов пересек долину зеленчукского устья и подвел отряд к Кубани, найдя там подошедший с Ивановской Отрядно-Горный пехотный полк. Спешив сотни, Михайлов направился искать переправу. Обрывистый берег зарос бурьяном. Правильными кругами белели заросли куриной слепоты и белены. Река шумела. Слышен был скрип камней, перекачиваемых в отмельных местах. Вокруг валуна взвивалась хлопьями пена, камень стучал, стучал, потом переворачивался, сносился вглубь, и белая пена проскакивала мимо, быстро исчезая с глаз.

– Ну и сказанная ведьма! – будто негодовал Михайлов, а сам в душе и любил эту родную реку только за ее буйный норов.

Михайлов, обнаружив удобный, наискось срезанный берег, направил лошадь к воде.

Конь, не привыкший к горным рекам, фыркал, дрожал и спускался мелкими осторожными шагами. Михайлов пожалел, что конский состав отряда приведен из равнины. Лошади, привыкшие к спокойным, плавно текущим рекам – вроде Челбасов, Бейсуга, Кирпилей, – шарахаются от настоящей воды.

Определив пригодность берега, передал посыльным приказ начать переправу.

Пехотинцы Отрядно-Горного полка спускались, идя с двух сторон всадника. Некоторые разулись, привязав обувь и шинели на голову. Казалось, на тонконогих стеблях колышутся огромные уродливые тюльпаны. У воды хватались за путлища, одновременно поддавали в бока лошади кулаками, и лошади, напуганные и до этого мрачным ревом реки, кидались в Кубань. Кипучая струя стремительно относила их вниз, прибывала к тому берегу и выбрасывала на него, как черную ненужную накипь.

Вскрикнул человек и сейчас же замолк. Приказ был обходиться без криков. Михайлов послал узнать. Приплыл с того берега старшина Горбачев, сообщил:

– Закрутило Свистуна и Покатилова. Пошли по речке. Видать, каюк. Коней жалко, с фронта еще, венгерки... – И, точно спохватившись, пожалел и всадников: – Добрые были казаки – Свистун с Покатиловым.

Михайлов положил руку на плечо старшины.

– Говорил начальник штаба – на горе батарея кадетская. Подумай, Горбач, – сказал тихо Михайлов таким тоном, будто предлагая по знакомству обстригать выгодное дельце.

Далеко влево тусклые неподвижные огоньки. Невинномысская. Мелькнул движущийся свет, колыхнулся, исчез, снова появился – более яркий, лучистый.

– Броневи́к из Беломечетки в Невинку, – произнес вслух Михайлов и оглянулся. Горбачева не было рядом. Конь переминался с ноги на ногу, увязая в мокром, холодном песке. Когда последняя черная точка выплеснулась на правобережье, Михайлов погрузился в пучину.

– Б-р-р, какая кусучая... Лед! Под Катеринодаром была горячее. Б-р-р...

Вырвавшись на тот берег, Михайлов, поиграв клинком, втиснул его в набухшие ножны и крупной рысью повел отряд к темной гряде невинномысских холмов, нависших над станцией. Пехотинцы, привернув штыки, деловито построились. Бурые волны покатались теперь по земле – цепи продвигались к исходным для атаки местам.

Глава VII

Блекли и понемножку исчезали звезды. Тяжелые тучи, только сейчас грузно лежавшие на холмах, натужно поползли вверх. Кубань шумела и дымила, точно подоженная по всей своей длине. Над землей дрожала молочная мгла, накрывшая хутор и отдельные строения прикубанской низины. Деревья, будто сточенные у земли, казалось, медленно и невесомо плыли в пухлом сизоватом тумане.

Кондрашев провел ладонью по мягкому крупу жеребца. Шерсть была влажна, и на гриве серебрился иней. Командующий зябко поежился и взглянул на часы. Скоро. Он напряженно следил за движением стрелки... С плато громыхнуло оружие: это был условный сигнал. Над станицей разорвался снаряд, и коричневое облачко разрыва заплатой повисло на бледном фоне неба. Прокатилось, то утихая, то нарастая, «ура». Берега ожили. На штурм пошли батальон Сердюка и дербентцы. Кондрашев еле различал наступающие цепи и только по сгущенному до рева крику «ура» определил, что пехота достигла мостов. На минуту, точно распоров пелену тумана, у мостов зачернели штыки. В уши ворвался знакомый звук... шквальный пулеметный огонь. Штыки упали. Поднялся туман. Сухо заработали «люйсы» и винтовки.

Кондрашев помчался к хутору. Спрыгнул с коня, побежал по канавке шоссе, ведущего к мосту. Он был зол, видел лежащих людей и, не обращая внимания на опасность, орал, размахивая маузером.

– Ишь, Дмитрий охрип, – бесстрастно произнес Старцев и медленно двинулся по кочковатой луговине.

За ним поднялся Кандыбин.

– Хлопцы, комиссаров пуля не берет, – крикнул чей-то насмешливый голос, и цепи, будто исправляя минутное малодушие, двинулись в атаку.

Где-то заиграла гармошка и сразу затихла.

– Лады пробует! – весело крикнул Старцев и побежал вперед, увлекая за собой выселковцев...

Низкие мосты как бы плыли над водой. Кругом падали люди. Кондрашев обогнал Сердюка и бежал впереди роты своих земляков, поддерживая левой рукой мешавшую ему шашку. Блеснула узкая заводь у хутора. Тревожно и разноголосно закрикали домашние утки. Испугавшись неведомого шума, стая тяжело поднялась над водой. Ливнем с того берега – пулеметы. Полетели перья; утки, иступленно крикая, повернули обратно и грузно опустились на землю. Кондрашев успел еще кинуть взгляд и заметил, как селезень, бросив стаю, быстро заковылял по тропинке, помахивая своей радужной головой...

Батарея белых, громившая глинистые отроги и плоскогорья, сразу замолкла, будто безудержно горланящему великану с налета в горло вогнали кляп. На окраинах станицы учащенно застучали выстрелы.

Кондрашев понял, что Кочубей и черноморцы ударили с флангов. Малейшая задержка фронтального прорыва означала разгром малочисленных групп охвата.

– Вперед, ребята! – крикнул Кондрашев, наискось перемахнул железнодорожное полотно и скатился по насыпи к гужевому мосту.

Его сшибли дербентцы и вломились на мост.

Их порыв был напрасен. Мосты как бы продувались пулеметным ветром. Дербентцы схлынули, а по Кубани поплыли трупы...

К Кондрашеву подполз Кандыбин. Он был черен и возбужден.

– Слабая артиллерийская поддержка, Дмитрий. Надо расстроить им систему огня.

– Снарядов нет. – Кондрашев скрипнул зубами. – А то бы Кротов их с навозом смешал.

Внезапно пулеметный огонь погас. Сразу стало тихо до жути. Зловещая тишина, сменяющая привычный уже шум боя, потрясает человека. Кондрашев вскочил на ноги. Откуда-то с правого фланга, от безмятежных до этого левад, почивших на белых перинах тумана, нарастал грозный конский топот.

Кондрашев выругался.

– Обошли, бандиты! Сердюк! Повернуть резервную роту! Встретить! – Замер, сжав, точно капканом, руку Кандыбина.

– Глянь, глянь! Убьют... убьют девку!

Повскакивали любопытные пехотинцы. К мосту медленно шла женщина в белом платке. Она казалась огромной в дымных испарениях реки. Фигура ее как бы плыла по туману, и голова как будто достигала вершин тополей, подступавших к реке. Дойдя до места, она остановилась у перил, точно в нерешительности, и потом быстро побежала вперед.

– Сестра кочубеевская. – Кандыбин стиснул зубы. – Перебежала к кадетам...

Но вдруг с той стороны моста, там, где строчили пулеметы, вырвались огненно-дымные столбы. Наталья пропала из глаз. Над рекой прокатился грохот.

– Бомбы! Вот так сестра! – обрадованно закричал Кандыбин.

Кондрашев вздыбил коня.

– В атаку! Ур-а-а!

Все это случилось в несколько коротких минут. Не успела пехота подняться, на нее обрушился грозный рев. Из тумана вырвались всадники, показавшиеся Кондрашеву великанами. Немудрено – всадники мчались стоя, размахивая клинками, в косматых бурках, развевающихся от ветра карьера.

– Конница Султан-Гирея! – крикнул Кондрашев, поднимая маузер. – Огонь!

– Кочубей! – гаркнул Кандыбин, схватив папаху и размахивая ею. – Кочубей!

Мимо Кондрашева, мимо пехоты, расшвыривая траву и землю, зараженная неукротимой яростью, пролетела дико орущая ватага. Впереди был Кочубей в белой папахе, на лучшем своем жеребце; кубанский башлык развевался по ветру, и казалось, вслед за отчаянным вожаком неся трепетный сокол, пылая небывало ярким оперением.

Мосты прозвенели на ураганном аллюре, и на тот берег вырвалось на стрельчатом древке багряное знамя. Солнце выбросило из-за невинномысских высот алый сноп; подул утренний ветер с великого Ставропольского плато; туманы, выдуваемые ветром, клубились, хирели и таяли.

Перемычка была взорвана. Пехота вливалась в Невинку через узкие горла мостов. В станице еще отбивался, оскалив зубы, упорный враг. Все торопились. На мосту лежала раненая женщина. Кое-кто перепрыгивал через ее тело, другие спотыкались, падали, ругались. Бой продолжался, и людям было некогда думать о милосердии.

* * *

На базарной улице освобожденной станицы почти столкнулись на галопе два всадника. Одновременно повернулись, спрыгнули.

Кубанские башлыки были у обоих за спинами, черкески, шапки бухарского смушка с золотым позументом поверху и дорогое боевое оружие. Они еще не знали друг друга. Сошлись, и первым быстро сунул сухую ладонь человек небольшого роста, гибкий и мускулистый.

– Ваня Кочубей!

– Дмитрий Кондрашев!

Задержав рукопожатие, начдив улыбнулся, быстро отер кистью руки губы и просто спросил:

– Давай поцелуемся, Ваня?

– Давай, Митя!

Они поехали вместе, шутили и делились впечатлениями боя. Кондрашев хвалил Кочубея за блестящую атаку, и, несколько смущенный, Кочубей отнекивался:

– Да какая там атака! Кабы не сестра с бомбами, все б поплыли по Кубани, як коряги, до самого Катеринодара. – Не оборачиваясь, позвал адъютанта: – Левшаков!..

– Я, товарищ командир, – подлетел Левшаков.

– Гони зараз к мосту и окажи милосердие той дивчине, шо пособила нам. Одна нога тут, одна там. Я буду на площади, возле церкви. Да передай ей от моего имени спасибо.

Левшаков сорвался исполнять приказание, а Кочубей продолжил разговор:

– Мы дырку пробуравили, и все. А твоя, Митька, пехота в дырку проскочила и тоже кровь пустила кадету в Невинке. Видел я комиссаров твоих... Чернильные души, а тоже дрались львами... Комиссары, а так кровь пускают... – Он покачал головой. – Непонятно. Хоть проси себе в отряд комиссара.

Кондрашев будто случайно заметил:

– Теперь, Ваня, у тебя не отряд будет, а бригада. Входишь в мою дивизию...

Кочубей отстранился от Кондрашева.

– Это для чего же? По якому такому случаю? – спросил он и сжал узкие губы.

Минут пять они ехали молча. Казалось, неминуем взрыв. Кондрашев был готов ко всему. Кочубей заметно волновался, и комиссар Струмилин, приблизившись к нему с правой стороны, тихо сказал:

– По случаю революции. Гуртом бить лучше.

Кочубей оглядел Струмилину, сдвинул на глаза шапку и резко отчеканил:

– Раз для революции надо, добре. Пусть бригада, и пускай под твоим доглядом, Митька. Только не под Сорокиным. А тебя предупредил, Митька. Молодой был – атаману брюхо штыком пропорол, в Урмии двух офицеров срубал. Свободу люблю. Дуже я до свободы завзятый.

* * *

На площадь сгоняли пленных. Офицеров было мало. В плен попали сотни две казаков-пластунов. Пластуны виновато поглядывали на своих врагов и курили часто и сосредоточенно. Офицеры, в большинстве молодежь, держались по-разному. Одни храбрились, вызывая грубили, другие размякли, нервничали и охотно отвечали на вопросы, хотя говорили сбивчиво и невпопад.

Кочубей, растолкав плечами конвойных, прошел в гущу пленных. С ним вразвалку шел Рой.

– Тю ты, свои ж, казаки, а дерутся против, – нарочито удивлялся Кочубей. – Якой станции?

Казак, с коротко подстриженными усами, в рваном бешмете, ответил:

– Платнировской.

– Ишь! Земляк. А я с Александро-Невской, слышал?

– Слыхал. Станция Бурсак.

– Эге, верно, – обрадованно произнес Кочубей и просто спросил: – У меня служить хочешь?

Казак поглядел на товарищей, смутился.

– Не знаю.

– А кто же знает? Верблюды?

Казак улыбнулся. Кочубей моргнул Рою.

– Зачислить в особую сотню. – И, подбоченившись, гордо уведомил: – Будешь служить у самого Кочубея.

Роя начали останавливать и просить внести в списки.

– Говорили, у большевиков одни коммунисты да жида, а тут, глянь, свои ж казаки в командирах ходят.

– Да у нас лычки быстро нашьем, – шутил Рой. – А где Шкуро, ваш генерал?

– Какой он наш? Сука, а не генерал. Как ударили ваши с левого фланга – бросил все и задал стрекоча на Баталпашинку. Конь у него быстрый.

Когда вернулся Левшаков, Кочубей допрашивал дроздовского офицера. Узнав, что сестра подобрана и жива, отмахнулся от подробностей.

– Начальнику штаба доложи.

Рой слушал Левшакова. Сестра ранена осколками гранаты. Ранение не угрожает жизни. Помещена в школе. Левшаков тянул, многословил.

– Кровать есть? – перебил его Рой.

– Лежит на полу.

– Уход?

– Какие-то старухи ведут уход.

– Что требуется раненой?

– Да я не спросил, а она сама черта два скажет, – обидчивым тоном ответил Левшаков. – Со мной и говорить не стала. Прогнала.

– Да вы что – приставали к ней, что ли? – обозлился Рой.

– Вот поезжайте сами, товарищ начальник, и поглядите, – посоветовал Левшаков, обиженный, – кому кислицы снятся...

Рой решил лично провести сестру.

– Товарищ командир, разрешите...

– Подожди, начальник штаба, – притянул его за руку Кочубей. – Вот гляди, який кадет попался. Прямо катрюк⁴, а не кадет.

Офицер передернулся.

– Прошу без оскорблений!

– Слышишь, начальник штаба? Слышишь, як он надо мной выкаблучивает? – еле сдерживаясь, шипел комбриг на ухо Рою и громко спросил: – Ты мне скажи, довезешь мое слово до своего Шкуры аль нет?

– Я повторяю: Шкуро достаточно серьезный генерал, и ваши... – офицер замялся, – странные предложения, абсолютно странные предложения, не примет. – Обращаясь к Рою, точно ища у него поддержки, офицер устало добавил: – Ваш командир, как он себя назвал... Ваня Кочубей предлагает мне под честное слово вернуться в случае неуспеха моей миссии. Но вы поймите, Шкуро-то меня не отпустит обратно, а слово Кочубей с меня требует!

– Погляди на него, товарищ начальник штаба, – еще хомут не засупонил, а он уже брыкается, – тыча в офицера пальцем, сетовал комбриг.

– Что вы от него хотите, товарищ комбриг? – спросил Рой, пока еще ничего не понимая.

Он разглядывал офицера, его грязные сапоги, изорванный в нескольких местах френч, скорбное продолговатое лицо, обросшее и землистое. Рой понял состояние этого человека. Офицер хотел спать. Вероятно, был утомительный марш, потом бессонные ночи дежурств и ожиданий, потом бой. Рою хорошо было знакомо состояние, когда организм отказывается работать и наступает предел утомления. В это время даже смерть не страшна, ибо она похожа на сон, на отдых. Офицер прикрыл глаза и покачнулся. Непреклонный Кочубей толкнул его в бок.

⁴ Катрюк – мул (местн.).

– Не дремай, когда с тобой по-людски говорят! Я четвертые сутки без передыху кишки вам мотал и, гляди, держусь на ногах, як кочет. Можу зараз на забор вскочить и сто раз кричать кукареку.

Обращаясь к Рою, горячо заговорил:

– Я прошу его, дохлого: садись на коня, погоняй до Шкуры и зови его на честный бой, один на один. В чистом поле и ударимся: на шашках, на маузерах, на кулаках, на чем он захочет. Убью я Шкуро – его войско до меня, он одюжит – мой отряд до его...

– Ничего не получится, ничего, – повторил офицер раздраженно, – не пойдет Шкуро на такой поединок.

– Почему? – повысил голос Кочубей. – Почему, га?

– Времена куликовских битв прошли. Да и убьете вы его. Я теперь вижу – убьете, а Шкуро, вероятно, гораздо раньше меня с вами познакомился. Определяйте нас куда-нибудь, – обратился он снова к Рою, – к стенке или спать. Если убивать, то поставьте на солому. Упадешь, и так мягко, приятно... – Офицер потянулся и мечтательно улыбнулся.

Раздосадованный Кочубей уже не слушал его. Обращаясь к пленным казакам, тесно обступившим его и глядевшим на него зачарованными глазами, выкрикивал:

– Так по какому праву он людей мутит, га? Спокойной жизни не дает никому. Генерал, а от урядника своего бегаёт, як заяц.

– Запишите и меня, – просили Роя, – станицы Беломечетской.

– Запишите, товарищ, нас, Суворовской станицы... трех братьев казаков. Хай ему бес, проклятой Шкуре, раз он такой.

Широко раздвигались пленные, уступая дорогу Кочубею. На перепавших лошадях подъехали Михайлов, Батышев и несколько командиров. Шумно спешили. Кочубей, обрадованный, быстро подошел к Михайлову и, крепко расцеловав, поздравил его и прибывших с ним с боевым успехом.

По пути к месту сбора они скупко поговорили о сегодняшнем бое, как о чем-то незначительном. Кочубей опять перешел на тему о трусливом генерале и беспокойном уряднике.

Рой отстал и, найдя школу, превращенную в лазарет, направился в сопровождении санитаров к раненой сестре.

Наталья лежала на полу, на соломенном матраце, прикрытая желтоватой простыней из грубой бязи. Лицо ее было бледно и прозрачно. В углу класса, отведенного раненой, громоздились парты, на стенах висели обрывки учебных плакатов, наивные гербарии школьников и убранные пыльной сухой зеленью небольшие портреты Пушкина и Гоголя. Окно было открыто. Во дворе школы чадила походная кухня. Бегали санитары в окровавленных халатах, на траве, под серебристыми тополями, вытянулась плотная шеренга трупов, и возле них десятка два спешенных казаков-кочубеевцев ели дыни, со смехом перекидываясь корками и дынной сердцевинкой. Гоголь насмешливо поглядывал в окно, и ветерок шевелил мертвые листья, увенчавшие его голову.

Возле Натальи сидели две старухи казачки. Когда Рой подошел, они встали и, шепча слова соболезнования, отошли.

Рой присел возле раненой. Он чувствовал необъяснимую неловкость. Спрашивать о состоянии здоровья – глупо, рассказывать о бое – утомительно, и, вероятно, вот эти две старухи сообщили ей уже обо всем.

– Поправляйтесь, – сказал он, – мы постараемся сносно обставить вам комнату... Кровать, белье, сиделок.

Наталья повернула голову и указала глазами на тяжелую капитальную дверь. Стоны, болезненные крики и ругательства явственно доносились из-за нее.

– Им лучше помогите. У меня и так присохнет, – прошептала Наталья и попросила: – Рыжего адъютанта больше не присылайте.

– Вам что-нибудь надо? – поднимаясь, спросил Рой, все еще испытывая неловкость.

– Кажись, ничего. Хотя... – Она приоткрыла глаза и оживилась: – Пришлите книжечку почитать. Только не толстую... с картинками... – Она немного подумала и несколько смущенно добавила: – Чего-нибудь про нас. Похожее. Берущее за сердце...

Обходя лазарет и беседа с бойцами, начальник штаба, будто невзначай, спросил доктора о Наталье.

– Пустяки, – успокоил врач. – Бледная, желтая и так далее – от потери крови. Травма сама по себе невелика. Организм крепок, затянется быстро.

* * *

Сорокин въехал в станицу уже к вечеру. Главком был в светло-серой черкеске и белой папахе. Под ним метался белоснежный полуараб, взятый из цирковой конюшни в городе Армавире. Главком въехал в Невинномысскую как победитель, и его личный оркестр, из серебряных труб, играл фанфарный кавалерийский марш. С главкомом были Гайченец, Одарюк, адъютант Гриненко и приближенные Сорокина: Рябов, Костяной, Кляшторный – эсеры-авантюристы, случайные люди в армии.

Позади оркестра Щербина вел конвойную сотню, двести всадников, намербованных по особому отбору из полков, выведенных Сорокиным из-под Екатеринодара и Тихорецкой.

– Молодец Кочубей, – снисходительно похвалил Сорокин нового комбрига, обсуждая операцию. – Кровь у него моя, а на полководца не похож. Мелковат.

– Но, Иван Лукич, Кочубея любят бойцы, – осторожно сказал Одарюк.

Сорокин рассмеялся.

– Больше, чем главкома?

– Ну, здесь аналогии скользки, Иван Лукич, – помялся Одарюк, – но, начиная с Тихорецкой, нас все время били белые, а Кочубей прорвался сюда, ни разу не будучи бит.

Сорокин отмахнулся и, позвав адъютанта, приказал:

– Собрать в ставку командиров частей, принимавших участие в бою.

Гриненко повернул коня. Главком весело заявил:

– Отпразднуем победу.

Повернул к станции. Там, на запасном пути, недалеко от подошедшего с Курсавки бронепоезда Мефодия Чередниченко, сверкал огнями специальный состав салон-вагонов – ставка на колесах главкома Сорокина.

Оркестр играл марш. Мальчишки бежали в хвосте конвойной сотни.

* * *

Сорокин отдыхал. Он принял ванну и был в шелковой кавказской рубахе, подтянутой узким пояском с золотым набором. Окна салон-вагона были открыты. Оркестр непрерывно играл, и в вагон собирались вызванные командиры частей. Сорокин был весел и уже достаточно пьян. Когда прибывший Гриненко, склонившись к уху главкома, что-то сообщил, Сорокин вспылал:

– Что ты шепчешь! Объявляй открыто.

– Кондрашев и Кочубей не могут явиться, – вытягиваясь, отрапортовал Гриненко.

Сорокин поднялся и, зло сощурившись, тихо спросил:

– Причина?

– Кондрашев разводит части по фронту, а Кочубей выступил на линию Суркулей.

Главком качнул утвердительно головой и опустился в кресло.

– Погуляем без них. Давай, Гриненко, наурскую...⁵

⁵ Наурская – танец.

Глава VIII

Бригада Кочубея шла в Суркули – в район, указанный Кондрашевым. Кочубеевцы пели песни, а впереди особой сотни Наливайко и друг Ахмета, Айса, плясали на седлах наурз-каффу. Черкесы хлопали в ладоши, покрикивали и подпевали в тон инструментам. Ахмет говорил Кочубею, радостно поблескивая зубами:

– Тебе спасибо! Отец Айсы все плакал. Айса смеется и пляшет – очень замечательный каффа. А музыка!

Кавказский оркестр, непонятный европейцу, но трогавший наиболее чувствительные струны души горца, был создан им, Ахметом. Несложные инструменты, а как играют! Вот известные музыканты из аула Блечеп-сын. Они бесподобны в игре на небольшой гармошке-однорядке – пшине и дудке, напоминающей кларнет, – камиле. Им помогает Мусса из аула Улляп. Он виртуоз: в его руках скрипка, сработанная из дерева, овечьего пузыря и воловьих жил, звучит так, что можно и смеяться, и плакать.

Недаром Муссу всегда приглашал сам ханоко⁶ Султан-Клыч-Гирей-Шахам, когда к ханок собирались званые гости. Мусса и его скрипка славились далеко за пределами Улляпа.

Музыканты охранялись черкесами так же, как в казачьих сотнях гармонисты. Ахмет подпевал, подергивая плечами и искусно работая на пхашичао – трещотке Айсы, заменяя своего друга, занятого танцем.

Шли осторожно. В середине отряда – музыка и пляски, в головной походной заставе – недремлющая разведка. По цепке сообщение:

– Барсуковский свободен.

– Ну и дерзнул Шкуро! – удивлялся Кочубей.

Показывая вправо, сказал:

– Вот там, по речке Невинке, Рошинские хутора. Богато там казаки живут. Родичи там мои, дядьки. Натерпелся я от них, был молодой. Может, даст бог, доберусь им кишку укоротить.

Заметив клочок сена у дороги, обернулся, крикнул:

– Адьютант, прикажи подобрать! Ишь, бузиновая кавалерия. Сами не догадаются.

В пыли сверкнула обрonnenная подкова.

– Адьютант, подобрать, сгодится, – снова приказал Кочубей и, проследив, как Левшаков, не слезая с лошади, схватил подкову и сунул в козровую суму, одобрительно кивнул.

Бригада далеко за собой оставила Барсуковский хутор. Дорога свернула на Петровское и Киян-разъезд. Колонна поднимала пыль. Кочубей делился с начальником штаба заветными думками:

– Кончим кадетов – будем с тобой, Рой, хозяйство ладить. Зараз корысти с нас, як с бугая – сметаны. Пшеницу топчем. Коней за фруктовые деревья вяжем, ломаем. Хаты палим. Снарядом... бух... бух... куда попало... А як без снарядов? Кадета конфетой не доймешь? И шо генералам от Кубани надо? Як мухи на дохлую кобылу...

Комбриг недовольно покачал головой и замолк. Сотни двигались тихо. Хотелось спать, и не было слышно музыки. В пыли, завернутый в чехол, колыхался штандарт, и по бокам поблескивали казачьи клинки.

⁶ Ханок – сын хана.

* * *

Начальник штаба, покачиваясь в седле, думал о просьбе Натальи. Он мысленно перебирал книги, памятные ему еще с детства.

У отца Роя был старый шкаф, гардеробного типа, но с полками. Шкаф был огромен, никуда не входил и стоял в темном коридоре. Его сработал мастер, непонятный станице интеллигент, худой, непостижимо высокого роста, с длинными волосами. Отец назвал столяра Авессаломом за его долгогровость. С легкой отцовской руки за столяром в станице укоренилось это библейское прозвище, и он охотно на него отзывался. Шкаф в семье тоже окрестили «авессаломом». На полках шкафа были книги, на книгах гнездились куры, имевшие доступ в темный коридор, и мальчик, Андрюша Рой, часто стряхивал с занимательной книжки куриный помет. Иногда к шкафу добирался и сам творец его – Авессалом, выбирал сразу десятка два книг, уносил их и, перечитав, приносил обратно. Он-то и приохотил мальчика к чтению. В дальнейшем читать было некогда. Учеба и муштра в реальном, в городе Екатеринодаре, беспросветная лямка в казачьем хозяйстве и... война. По-другому была раскрыта страница жизни, и на смену занимательной литературе «авессаломы» пришли полевые и строевые уставы.

Но чем угодить Наталье?

Перед его глазами проплывали тяжелые тома Толстого, кожаные переплеты Гоголя. Вот голубые книги Лермонтова, Пушкина, с вытисненными на коленкоре цветочками и фигурками не то амуров, не то летящих по небу ангелов, Жюль Верн, Майн Рид, Купер... все не подходило.

Рой ломал голову, и задача эта была для него сейчас ответственной самой сложной позиции.

«Черт возьми, что же дать ей – “Хаджи-Мурата” или “Полтаву”?.. Кстати, в “Полтаве” тоже Кочубей, только старик... “Тараса Бульбу”?»

Рой задумался.

Может ли сейчас Авессалом дать ответ на простой вопрос кубанской девушки из отряда красного казачьего партизана?

И вот, вначале в тумане, потом все ясней, начали вырисовываться красные коленкорые очертания книги, любимой им, где на меловых листках роскошного издания проходила непрерывная борьба за освобождение Кубы.

Далекий остров, очерченный голубыми извилинами, поднялся перед Роем, как пылающий костер восстания рабов. Книга и называлась «Пылающий остров»; автора он не мог вспомнить, но горячие образы кубинских патриотов, с мечами в руках добывающих себе человеческие права, были близки Рою и сейчас.

Маленького чумазого Андрюшку захватывали удивительные приключения и батальные сцены.

Рои жили у речки, огород переходил в густые камыши, и мальчик, отбиваясь от атак комаров, сидя в густых зарослях, в сотый раз перечитывал книгу. Отец, охрипнув от зова, уезжал в поле один, потому что Андрюшка, увлеченный, не слышал его криков. Когда переворачивалась последняя страница, он бросался по тропинке, мимо копанки, мимо старой шелковицы, перепрыгивая через огромные белые тыквы. Отца уже не было, и тогда Андрей, босой, черноголовый, во всю силу своих резвых ног догонял далеко за станицей отцовскую мажару.

Книжка была одним из счастливых воспоминаний его безотрадной юности. Покачиваясь в седле, Рой мысленно находился в далекой теперь станице, на берегу илистой, малярийной реки, и снова был упрямым непонятным ребенком, которого часто поругивал отец и журила добрая щупленькая соседка-учительница...

Снова пылающий остров, красный переплет книги, увлекательные страницы о боях на местности, покрытой папоротником, пальмами и толстым тростником, похожим на челбасский камыш.

– Надо найти, обязательно найти, – вслух произнес Рой.

– Шо найти, начальник штаба? – спросил Кочубей, расслышав его возглас. – Суркули? Так Суркули уже под самым носом. Я тоже вздремнул, не хуже того офицера. Ну и соня тот офицер... Дохлятина...

Глава IX

В комитете партии Северокавказской республики решали сложную задачу: кого послать комиссаром к Кочубею. У него уже был комиссар Ляхов, посланный вскоре после невинномысского боя. Кочубей, сначала обрадованный прибытием грамотного помощника, выгнал его через три дня за проявленную Ляховым робость в бою.

– Я думаю, надо послать в бригаду Кочубея Кандыбина, – предложил Старцев. – Кочубей остался доволен им еще за невинномысский бой. Кандыбин хороший коммунист, вояка, да и казак к тому же.

В тот же день Кандыбин выехал на фронт к Кочубею. На днях у Кандыбина была убита лошадь, и он отправился в Суркули на обывательской линейке. Недружелюбно принял очередного комиссара Кочубей. Оглядел внимательно, словно никогда до этого не встречал его. Плотный, будто отлитый из стальных мускулов, с лицом, темным от боев и солнца, похожий на черкеса, Кандыбин спокойно выдержал тяжелый кочубеевский взгляд и, зевнув, отвернулся. Чуть дрогнули губы Кочубея, но он подавил довольную улыбку. Не хотел показать, что понравился присланный.

Было уже поздно. Кочубей, сидя на кровати и снимая сапоги, сказал:

– Ну, ложись, комиссар, а утречком пробежим на фронт.

Кандыбин, завернувшись в тулуп, брошенный ему на пол, лег в одной комнате с Кочубеем. Комбриг потонул в трех перинах и спустя минуту заснул.

Утром, когда из раскрытых окон еще струилась благотворная ночная прохлада, Кочубей вскочил, моментально оделся и, заметив храпевшего на тулупе комиссара, грубо толкнул его ногой в бок:

– Ну, вставай! Разлегся! Ты шо ж, до меня спать приехал?

У ворот Кандыбину подвели высоченную кобылу из конюшни батьки. Раньше любил ее Кочубей. После же того, как попала в одну из ног лошади пуля и потеряла она боевые качества, держал ее за прежние заслуги. Прозвали ее втихомолку коноводы «Трехногий дурой». Комиссар, осмотрев седловку и ту же подтянув переднюю подпругу, легко вскочил в седло. Кочубей незаметно одобрительно крикнул. Желая показать лихость новому, приятному ему человеку, присел на корточки и прыгнул в седло без помощи рук. Это был знаменитый прием посадки, не удававшийся никому, кроме самого Кочубея. Комиссар сознательно не высказал никакого удивления. Кочубею это не понравилось. Нахмурился, отстал, пропустив вперед комиссара. Поехал рядом с Михайловым. Подморгнув и толкнув Михайлова в бок, ехидно шепнул:

– Глянь, комисс-а-ар!

Узкое коричневое лицо Михайлова скривилось в презрительной улыбке. Нагнувшись к Кочубею, что-то ему сказал. Оба засмеялись. Десяток спаянных боевой дружбой командиров, ехавших позади них, тоже переговаривались и посмеивались. Недавно принятый в эту боевую семью комполка Кондрашева Николай Батышев, уже прославивший себя атакой, проведенной вместе с Горбачевым на батарею во время флангового удара по Невинке, был среди них. Ему Кочубей доверил командование первой сотней, и Батышев, чтоб не ударить лицом в грязь, тоже отпускал колкие шутки по адресу новоявленного комиссара. Кандыбин, не подавая виду, свободно покачивался впереди.

Он думал сейчас не о бое, не о том, что будет там, на фронте. Он искал путей к сердцу Кочубея, по которым придут доверие, дружба, а следовательно, и боевые успехи. Комиссар фронта предупредил Кандыбина о своеобразии его роли в партизанской бригаде, где не было ни одного коммуниста и дисциплина поддерживалась только благодаря популярности Кочубея. Бригада Кочубея могла сделаться и большой революционной силой, и могла пойти по дороге анархии. Немало бродило в то время непонятных ватаг по Кубани. Сегодня ватажек сидел на

командном совещании рядом со всеми и получал боевые задания, а завтра, пустячно обиженный, бросал на вчерашних друзей мятежные сотни.

На ярах-перевалах раскинулась станица Воровсколеская. В этой станице укрепились белые после падения Невинномысской. На подступах – окопы и огневая защита. Из станицы выбрасывались свежие формирования: полки, батальоны. Здесь была резиденция генерала Покровского. Отсюда фронт снабжался скотом, хлебом, фуражом. Белые пока были пассивны.

Красные готовили удар по Воровсколеской с фронта. Сегодня предвиделся бой. Подтягивались пехотные части. Балками подбиралась конница. Устанавливали батареи. Метались ординарцы. Ночное совещание в Курсавке, в присутствии главкома, постановило любыми усилиями взять Воровсколескую. На совещании поручили Кочубею в случае успеха выкачать из станицы все продовольствие и фураж. Как передавали, главком, не надеясь на закрепление успеха, приказал лично Кочубею сжечь станицу.

Кочубеевцы ехали шагом. Дорога вилась по балкам и выбитым сражениями взгорьям. На гряде иногда вырисовывались всадники. Узнав своих, исчезали. Попадались лениво идущие на фронт бойцы, на штыках были нанизаны булки и куски сала. По чубатым головам да еще по особой манере заливчатски заламывать высокие шапки комиссар угадал так называемых германо-гайдамаков, завезенных с Украины.

Мимо них кочубеевцы проехали рысью. В этом сказывалось особое пренебрежение к пехоте. Поднялись на гряде. Невдалеке ударила пушка. Этот звук поддержали винтовочные выстрелы. Так обычно начинались сражения... Кандыбин заметил приближающуюся кавалькаду. Кочубей тоже взгляделся, привстав на стременах. Успокоенный, откинулся на заднюю луку, ожидая. Подъехал Кондрашев, кивнул Кандыбину, с Кочубеем поздоровался за руку. Кочубей восхищенно разглядывал гнедого жеребца начальника дивизии.

– Вихр, а?.. Митька! Чей?

– Жеребец? Был когда-то полковничий, теперь мой, – довольный похвалой, ответил Кондрашев. И подъезжая так, что звякнули, встретившись, его и Кочубеевы стремена, спросил: – Готов, Ваня?

– А як же!

– Покровский подтянул трехдюймовки на левый фланг, – будто случайно кинул Кондрашев.

Кочубей, игриво подмигнув Михайлову, также как бы ненароком спросил:

– Так чего надо от Вани Кочубея?

– Взять надо, – спокойно сказал Кондрашев.

– Раз надо – возьму.

Кондрашев продолжал объезд наступающей группы. С подчеркнута важной посадкой он удалялся небольшим галопом. Небрежно брошенный на плечи башлык ярким пятном кровянил в безрадостных тонах вытопанных полей. Рядом с ним, на вороном коне, – комиссар Струмилин, с задорно выбившимся из-под кожаной фуражки белокурым чубом. Комиссар сидел в седле неважно. Это определили кочубеевцы, но не подали виду, зная уважение самого батьки к комиссару дивизии.

Бой начинался. По степи зачернели тела. Было жарко. Часто стреляли орудия. Кое-где, потеряв седоков-связных, носились лошади, пугливо шарахаясь от шрапнельных разрывов. Пехота не решила задачи. Пригнутая огнем, залегла. Для перемены положения была выброшена конница Кочубея. Вырвались из балок отважные сабельные сотни под водительством Михайлова. Трепетное, помчалось бархатное бригадное знамя. Курган – командный пункт командира бригады. Над курганом часто свистели пули, но Кочубей спокойно стоял на седле, с биноклем в руках. Конь беспокойно прядал ушами. Вдруг на поле точно накинули ярко-пеструю ткань. Шесть бригадных сотен, скакавших до этого в сомкнутых порядках, развернулись. Кочубей удовлетворенно крякнул, улыбнулся.

– Добре, казаки, добре, – похвалил он.

Кандыбин глядел на него с одобрением. Кочубей напомнил комиссару атаманов запорожской вольницы, прославленных в казачьих песнях. Захотелось самому ощутить свист ветра в ушах и сладкую радость сечи. Похлопал комиссар по крутой шее кобылицы, и она тихо заржала, раздувая ноздри. Но что с Кочубеем? Не было уже улыбки. Сошлись на переносице глубокие морщины, и плотно сжаты тонкие губы. Комиссар поднял бинокль. На далеких, но отчетливо различимых курганах – коричневое облако пыли. Должно быть, обходила с левого фланга конница Шкуро, на вербованная в предгорных станицах, отмеченная в диспозиции сегодняшней операции. Кочубей опустил в седло, зло приказал Кандыбину:

– Бери, комиссар, седьмую сотню и возьми вон те сопки! Не возьмешь – зарубаю.

Седьмую сотню, пятьсот одностаничников-отраденцев, повел в атаку комиссар. Пьяно бурлила кровь – хмельные соки воинственных предков.

Тяжелая была схватка. Седьмая сотня погнала на кадетские окопы шкуринцев – в большинстве своих же станичников, принявших кадетскую веру. Упрямый и возбужденный, скакал впереди всех комиссар. Окопы оцетинились рогатинами и штыками, и около окопов столкнулись в сабельном ударе.

А в это время начали бить орудия, которые подвел генерал Покровский для прямой наводки. Разрывал генерал кольцо атаки в самой середине, думая пустить подошедший из Армавира офицерский полк Алексеевской бригады.

Понял маневр Кочубей. Не миновать пускать в бой особую партизанскую сотню. Триста всадников, отборных казаков и горцев, личная гвардия Кочубея, томились без дела, ожидая знака комбрига. Кочубей любовно оглядел их. Ангорские папахи партизан перед боем были до яркой белизны вычищены отрубями. За спины переброшены алые башлыки. Черкески, кривые дагестанские шашки с крестообразным эфесом, полированные коробки маузеров и матовые стволы ручных пулеметов. Краса бригады – первая сотня: ею справедливо гордился комбриг, выводя в дело только в критические минуты сражений. Подал условный сигнал командиру сотни, Батышеву. Батышев, до этого хозяйственно осматривавший седловку и ковку, зычно крикнул: «Садись!»

Храпнули кони, и забряцало оружие.

К Кочубею подъехали помощники взводных командиров для передачи его приказаний, второй трубач и калмык с сотенным значком.

Выборный командир второго взвода, Тит Мудраков, весело подмигнул напряженному и серьезному командиру первого взвода Пелипенко:

– Видать, лавой вдарим, а потом в стоячку, на пушки!

– Видать так, Панахида, – спокойно согласился Пелипенко, – видишь, батко сам поведет.

Тит Мудраков, прозванный за тяжелую руку Панахидой, вынув клинок, попробовал лезвие ногтем.

– С вечеру жало навел. Может, самого Шкуру до селезенки достану, – похвалился он.

– Его достанешь! – усомнился Пелипенко. – Он с колокольни достает с бинокля... Ну, кажись, начали...

Кочубей подал звучную команду атаки. Полевым галопом разостлалась по степи особая партизанская сотня. Действенный ружейный огонь расчленил взводы. Орудия близко. Трубачи проиграли аппель, и крылья лавы сомкнулись на карьере. Кочубей встал во весь рост и взмахнул клинком.

– Вот это дело! – обрадовался Мудраков, на скаку перекидывая стремяна для упора.

Взметнулись в седлах партизаны. Вспыхивающая маузерными молниями лава обрушилась на врага.

Недалеко рывкнуло «ура». Кондрашев ударил с правого фланга. Белые дрогнули. У парка зарядных ящиков, скрытых за косогором, поднялась паника. Группами, на артиллерийских

лошадях, бросив все, удирали ездовые. Прямо на орудия, состязаясь в лихости, неслись кочубеевцы. Захлебывались вражеские пулеметы.

– Ой, Христа, фитилек, ланпадку!.. – крикнул Тит, вынесшись с фланга к батарее, и, полный взбалмошной удали, выпрыгнул из седла на трехдюймовку.

Стиснул Тит пушку в объятиях, оскалил в хохоте зубы:

– Ой, ты моя молодница!

Но прошла по нему последняя пулеметная строчка. Перерезала Тита пониже шеи, отхватив спину до половины лопаток. Медленно сползла спина, и когда пальцы правой руки коснулись земли, голова склонилась вбок и рухнула с орудия окровавленная масса.

Страшен и нелеп был человек, разделенный надвое. Пелипенко не оглянулся. Сгорбился и, дорвавшись до пулеметов, кружил шашкой, озлобленный и молчаливый, и свистел воздух вокруг него.

...Станица была взята. Поле боя объезжал Кочубей.

Хмурился, замечая то там, то здесь белые папахи своих любимых лебедей. Иногда подолгу задерживался у трупа известного ему бойца. Вздыхал, качал головой.

– А это шо за комедь? – воскликнул он, увидав на орудии обезглавленного человека.

Узнав Мудракова, снял шапку.

– Добре помер Панахида! Похоронить его с воинскими почестями. А докторам восстановить в прежней доблести Титово тело.

* * *

На церковной площади Кочубей выстроил бригаду и на глазах всех расцеловал отличившегося в бою Кандыбина. Это считалось лучшей наградой в кочубеевской части.

– Молодец! Вот это комиссар! Ну, давай руку, товарищ будешь, и кличь меня всегда Ванькой.

Бригада кричала «ура», а комиссару подвели другого коня, хороших кровей, из заводных⁷ лошадей Кочубея (Кандыбин с некоторой грустью расстался с «Трехнойгой дурой»). Кочубей, поблагодарив бойцов за атаку, вызвал командира временно ему приданного Ейского полка, Деревянникова, вялого, пугливого человека, и приказал ему:

– За ночь вывезти из станицы все. Хай кадеты воздух глотают. Вывезешь – награду, не вывезешь – перед бригадой зарубаю самолично.

Отпустив Деревянникова и заметив перебежавшую площадь старушку, подозвал ее.

– Где поп с этой церкви?

– На шо ж вам батюшка? Ой, лишечко! – запричитала старуха. – Убивать?

– Молебна хочу служить, – подбоченься, ответил Кочубей.

– Молебна? А говорили, у большевиков бога нема, – удивилась старуха и всплеснула руками. – Да как же вы служить будете, сыночек, ведь батюшка-то утек с кадюками.

– Эге!.. – протянул Кочубей. – Раз нет попа, не надо и церкви... Хлопцы, давай ее палить – поп утек.

Охотники побежали за соломой. Вскоре первым появился Пелипенко, таща на спине целую копну бурьянистого сена, увязанного возовой веревкой.

– Хлопцы на огородах смыкают солому, а мне хозяин бурьян приспособил, – хвалился он, сваливая принесенное у паперти и отдуваясь. – Давай спички.

– Подожди, Пелипенко, пока ребята еще припрут соломы, а то не загорится, – посоветовал кто-то.

⁷ Заводных – запасных.

– Загорится, як от керосина, – поощрил Кочубей. – Эй, хлопцы, солому тащить до самого алтаря!..

Кандыбин отозвал Кочубея:

– Ваня! Зря ты это делаешь.

– А ты шо мне за указ? – усмехнулся он.

– Ведь это противореволюционно...

Кочубей махнул рукой.

– Давай, Пелипенко, шо ж ты чухаешься?

В церковь вносили вязанки соломы. В ожидании веселого зрелища бойцы перешучивались, покуривали, смеялись.

– Ты должен отменить, – наступая, требовал комиссар.

– Да шо ты привязался? – вспыхнул Кочубей. – Шо, ты мне приказы будешь отдавать?

– Ты не хочешь, я сам отменю, – твердо сказал комиссар. – Товарищи!.. – крикнул он.

Рассерженный Кочубей тряхнул его за грудь. Комиссар, вырываясь, выхватил кинжал.

– Вот так комиссар! – Комбриг крепко держал Кандыбина за руку. На уровне глаз комиссара матово поблескивало дуло кочубеевского нагана. – Эх ты! Вот як надо, – и вывернул руку, кинжал упал на землю. Потом засунул наган за пояс и удовлетворенно заметил: – Вот это комиссар! Еще раз товарищем будешь.

Добавил тоном, не терпящим никаких возражений:

– А церковь спалим, есть мой приказ. А за компанию – подпустим красного петуха и станице. За станицу режь Сорокина, он приказал. Давай поглядим, яка тут церковь.

Кочубей, бросив повод ординарцу, вошел в церковь. За ним направился Кандыбин. Кочубей, подергивая плечами, шел по серому некрашеному полу легкой джигитской походкой. У иконостаса остановился в раздумье. Он был серьезен, и прежнее шутовство будто слетело с него.

– Святые, эх-эх... святые... – укоризненно покачав головой, прошептал он и продолжал уже злобным, повышенным голосом: – Да яки ж вы святые, да яка с вас польза? Где ж ваша святость? Все в камнях, венцах, со скипетрю, а люди оборванные и босые.

Сплюнув, резко повернулся, снял шапку и, стерев пот коротким взмахом руки, заорал нарочно громко и вызывающе:

– Хлопцы, вытянуть самую кращую ризу и одягнуть на моего Зайчика!

Жеребец Кочубея, Зайчик, был наряжен в голубую пасхальную ризу.

– Глянь, хлопцы, як на его шита! – подмигнул Кочубей и, прямо с паперти прыгнув в седло, выскочил за ограду.

Из решетчатых окон церкви пробивался дым.

* * *

Вялый с виду Деревянников организовал достойную удивления выкачку белогвардейской базы. Всю ночь непрерывным потоком, шириной в пятьдесят подвод, шла выгрузка. Под лунным светом двигались подводы с мукой, сеном, продуктами. Ржали косяки лошадей, ревели стада коров, блеяли отары овец, лениво похрюкивая, жирной лентой двигались свиньи. Все это оседало в Суркулях. С этого дня Суркули сделались базой снабжения фронта. Практичный Кочубей начал налаживать тыловое хозяйство фронта. А на зорьке станица Воровсколеская запылала со всех сторон. Белые перегруппировались. Кочубей организованно уходил, выполнив приказание.

Кондрашев, заметив зарево, послал узнать, в чем дело. Сообщили: «Уходя, станицу приказал поджечь Кочубей, а в церковь внести три копны сена и тоже поджечь». Вызванный Кондрашевым, Кочубей в присутствии Кандыбина сказал детски-наивно:

– А шо мне впотьмах отходить? Боялся, шо заблудюсь, и запалил для освещения.

Глава X

Это было уже на третий день.

– Ну, сидай, – пригласил Кочубей и подвинулся на лавке, – зараз можно и побалакать.

Кандыбин присел. Кочубей хлебал борщ вместе с Михайловым, Батышевым, Наливайко, братом и другими любимыми командирами и друзьями. В хате висели иконы, лубочные картины, изображавшие бой у Гельгоlanda и виды Новоафонского монастыря. На коленях обедующих лежали расшитые цветными нитками рушники. Поодаль, покачиваясь и тихо напевая знакомую Кандыбину свадебную песнь черкесов – «Орейдада», сидел телохранитель Кочубея адыгеец Ахмет. Ахмет никогда в присутствии посторонних не занимал места за столом вместе с Кочубеем, боясь уронить достоинство своего начальника в глазах еще мало ему знакомых людей, – таков обычай Адыгеи. Рядом с адыгейцем командир третьей сотни возился с трофейным парабеллумом. Кочубей, не переставая жевать, знакомил с собой комиссара. Изредка призывал в свидетели присутствующих, и те, утвердительно кивая головами, вылавливали из миски жирные куски говядины, со свистом высасывали мозговые косточки.

– ...Такого мне коршуна, як ты, и надо, политичный ты мой комиссар. Разгадал я тебя сразу, а потом ты подкрепил мою догадку. Думаю я, будешь и ты исподтишка выпрашивать, кто я и шо я. Так я сам про себя расскажу. А ты слухай, бо потом размусоливать время не будет.

Кочубей внимательно поглядел на комиссара. Тот тоже, будто впервые, пристально всмотрелся в Кочубея. Не больше двадцати семи – тридцати лет от роду, подвижный и худощавый. Казалось, каждый мускул на его лице жил. Губы плотно сжаты слегка презрительной гримасой. Нос правильный, немного с горбинкой, брови белесые, сходящиеся на переносье у резких морщин. Улыбка Кочубея была обаятельна. Но, улыбнувшись, он обычно сейчас же гасил ее, будто считая несовместимой со своим положением и званием.

Ахмет, прекратив пение, слушал начальника. Командир сотни протирал маслом револьвер, заржавевший у офицера.

– Так вот, – продолжал Кочубей, – был я на действительной, в Урмии, а после на фронте турецком, тоже партизаном, только не у Кондраша, а у Шкуро под началом. Пришел домой с фронта... в станицу Александро-Невскую. Вижу, нет в станице от всяких атаманов да баптистов разворота. Дома тоже, як пилой... Подался на Тихорецкую. Хожу як кабан, очи в землю, а думки як пчелы. Шось не нравится. Буржуи у власти, а на станции юнкера пристают: иди да иди, казак, к ним. Рубанул я одного юнкера и гукнул: «Кто хочет вырубать окно острыми шашками к жизни хорошей?» Кинулись до меня хлопцы. Сгарбузовал я отряд и вступил в революцию вооруженный, при полной форме...

Кочубей тряхнул оружием: два маузера, наган, браунинг, кинжал, шашка. Нахмурился и быстро, чуть ли не на ухо комиссару, зашептал:

– Мешал буржуев и офицеров, як полову коням, вилками-двойчатками. Головой в землю, ногами в гору. Легла не одна подлюка в степовых балках. Подоили с их мы кровь. Подался я до Сорокина в армию. Рубались за Выселки, Батайск, Катеринодар, Эйнем и прочие станицы. Рубались – аж волосья дыбом. Хлопцы у меня на выбор: або грудь в хрестах, або голова в кустах, революции не стеснялись. Як приходит до меня: «Прийми, батько», – а я его по сусалам. Не падает – выходит, добрый будет вояка, беру в отряд. Вот как, политичный ты мой комиссар, товарищ Кандыба! А если спросишь, як я новую жизнь понимаю, то скажу тебе: могу об этом балакать только с батькой Лениным, бо он, по слухам, теж моей программы придерживается...

Неожиданно раздался выстрел. Выстрелил офицерский парабеллум командира сотни. Пуля рикошетом попала в Кочубея, и он схватил рукой шею. Ахмет кинулся к виновнику выстрела, но, остановленный окриком Кочубея, замер. Кочубей, морщась, гонял пулю под

кожей, пальцы его окрасились. Потом, видимо, уловив момент, рванул и вытащил пулю. На черкеску брызнула кровь. Кочубей поднес пулю ближе к глазам и разглядывал ее, удивленно приподняв брови.

– Ишь, стерва, всю шею поковыряла.

Плюнул пренебрежительно на пулю и бросил в лицо оторопевшему командиру:

– В другой раз выпорю. Не умеешь с оружием обращаться. Отдай-ка стрелюку Ахмету.

Обескураженный командир виновато протянул парабеллум черкесу.

* * *

Все было необычно комиссару в ставке Кочубея. Даже вот этот случай с пулей, да и самый рассказ Кочубея. Какими внутренними законами поддерживалась дисциплина в отряде, а теперь бригаде? Неужели только на круговой поруке держится моральная спайка бойцов?

Такие мысли были вполне естественны в положении комиссара. Решение этого вопроса определяло его поведение.

С недоверчивой усмешкой, получив от Роя секретные слова на сегодня, он вышел из штаба. Во дворе пылали костры, и это комиссар принял за первое нарушение правил расположения квартиро-биваком в непосредственной близости к противнику. После он узнал, что белые отлично знали место резиденции Кочубея, но подход к Суркулям был так сложен, хутора так густо были окружены заставами, караулами, секретами, так была налажена служба дозоров и патрулирования, что прорваться можно было только с боем, а тогда, естественно, на защиту родных Суркулей слетались сабельные сотни.

В Суркулях была только одна бесконечная улица. Удаляясь от штаба, Кандыбин слышал слева шум поезда. Близко проходила железная дорога. Оглянувшись назад. Костры, казавшиеся ему вблизи такими яркими, теперь обозначались почти незаметными столбами редкого дыма. Попался переулочек: он спускался к илистой речке, к камышам, тихо шелестящим. По бокам переулка – канавы, защищенные густым рядом деревьев, очевидно, акаций, что можно было определить по стройным гладким стволам. Снизу тянуло прохладой и болотными запахами. Комиссар не дошел еще до камыша, когда на грудь его лег штык.

– Кто идет?

– Свои. – Кандыбин отпрянул.

– Свои коней крадут. Пропуск?

– Борт.

Дозорные подозрительно начали вглядываться в Кандыбина, и, видимо, не веря ему, один из них чиркнул спичкой. Свет обнаружил упрямые глаза и подрезанные щетинистые усы дозорного.

– Комиссар?

– Да.

– Спали б, комиссар, а то невзначай заколет кто-либо, ей-богу, – посоветовал боец и отошел.

– Дозор? – спросил Кандыбин.

– Да.

– Все в караул-то вышли?

– А ну попробуй не выйди. Враз на передовую, в самый огонь, а то в Козловую балку, – сказал боец с щетинистыми усами.

– В балку еще не водили. Не было такого дела, – перебил его второй молодым, приятным голосом.

– Нет, так будет, – отрезал первый.

– Все наперед знает, как бог Саваоф, – ухмыльнулся молодой.

– Бога не замай, он тебе ничего плохого не сделал, а нюх, верно, на будущие времена имею.

– Нюх?! – удивился второй. – Откуда он у тебя? Усы-то ты подрезал?

– Ну, подрезал, – напыжился первый, – што ж с этого? Я чуток ножницами подкорнал, штоб лучше сметану есть. Люблю сметану, товарищ комиссар, а усы мешали, я их и того...

– Вот и нет у тебя нюха, Саваоф, – поддразнивая, снова сказал второй. – Помню, я мальчишкой был, отхватил коту усы. Перестал кот мышей ловить, сидит и фыркает. Нарезу ему колбасы, положу – съест, который кусок возле него, а остальные не замечает. Мяучит, мяучит, будто кто его за хвост дергает. Подвину – еще кусочек съест. Выходит – все у кота в усах, как и у тебя, Саваоф, и пропал ты теперь отныне и навек. Ну, мы заговорили вас, товарищ комиссар. Видно, с обходом?

– Нет. Так прошелся, спать что-то не хочется.

– Если с обходом – не сомневайтесь, товарищ комиссар. Проверочку сделать можете. И прямо скажу, хоть усов у меня и нет: никто не спит. Как на пружинах все.

– Так ли? – нарочно усомнился Кандыбин.

– Иначе быть не может, потому сознание заедает, товарищ комиссар. Сами деремся и очень чувствуем, что деремся со своими недругами, всех знаем злых, товарищ комиссар, кто там, – сказал он, указывая в направлении фронта, опустился на землю и словно растаял.

«Вероятно, прилег в канаву», – решил Кандыбин и, попрощавшись куда-то в темноту, вышел на улицу.

Он не успел дойти до штаба, как его задержал конный патруль. Патрульные были из седьмой сотни. Поздоровались и поехали дальше.

Комиссар вернулся.

Кони дежурной части были подседланы и звучно жевали зерно, помахивая торбами. Дежурная часть держала лошадей на улице, у временных прикольных коновязей. У ворот, верхом на пулемете, сидел боец, запахнувшись в шинель. Он прислонился спиной к щитку и, казалось, дремал, но когда рядом очутился комиссар, пулеметчик повернулся к нему и спросил время.

Даже по тому, как у коновязей дневальный сновал с метлой и лопатой, убирая навоз, понял комиссар сущность побед Кочубея. В бригаде была установлена дисциплина, что не удавалось сделать в большинстве частей вооруженных войск Северокавказской республики.

На крыльце, заняв его почти целиком, сидели черкесы. Они разостлали бурки и сидели в косматых шапках и черкесках, тихо перебрасываясь словами. Охрана Кочубея состояла в большинстве из адыгейцев. Клокочущий, гортанный язык адыгейцев несколько отличался от языка предгорных черкесов, но комиссар, знавший язык черкесов, свободно разбирал их речь. Разговор заинтересовал комиссара. Часто упоминались Ленин и родовитый князь адыгейцев генерал-майор Султан-Клык-Гирей-Шахам, известный комиссару как инициатор восстания против Советов и организатор горских полков для белого командования.

Кандыбин опустился на завалинку.

– Султан-Гирей зовет нас, – убеждал приглушенный голос. – Ночами приходил к нему пророк. Он сказал: «Ханоко, алла поручил тебе газават-зао⁸, так скажи всем правоверным...»

– Скажи, Мусса, – перебил его второй адыгеец лукавым голосом, – Султан-Гирей обещал посадить тебя за свой стол? Молчишь, Мусса?!

– А красный пши⁹ Кочубей сажает нас за свой стол, как равных, – цокнув языком, заключил третий.

Комиссар узнал черкеса по голосу. Это был Айса, друг Ахмета.

⁸ Газават-зао – священная война.

⁹ Пши – князь.

– Султан-Гирей каждому обещал по косяку кобылиц, отару баранов, – продолжал Мусса. – Утро и вечер мы будем пить бузу и айран. На клинках мастера вырежут слова пророка, и золото на шашках будет из Теберды и Бадука. В сакле запоют семь жен, не меньше...

– Так журчит река Джиганас, и очень захочется тебе поспать на ее берегу, потому что она ласковая. Заснешь ты, а в горах прошли дожди, но ты их не видишь и спишь. И не знаешь ты, что идет с гор вода, как табун кобылиц, и тащит камни больше тебя, Мусса, в два раза. Налетит вода, разобьет тебя и выбросит в ущелье Кубани. Так поступает ласковый Джиганас со спящим, – заметил черкес, очевидно, житель предгорья, так как знал о проделках реки Джиганас.

– Ханоко добрый, он хочет все отдать нам. Пусть уйдет ханоко Султан-Гирей, мы возьмем его добро сами, – сказал Айса, и все засмеялись.

– Мусса передал то, что слышал, – уклончиво произнес Мусса и, помолчав, добавил: – Может, он злой, ханоко, может – добрый... откуда знает Мусса?..

– Черкесский народ еще не имел добра и правды от Гирея. Черкесский народ может просить его: «Иди, ханоко, умри, а потом мы тебя полюбим», – сказал черкес, говоривший о Джиганасе.

Собеседники одобрительно зашумели. Скрипнула дверь. Из дома упал свет. Комиссар приподнялся. Кочубей? Нет, Ахмет. Комиссар опустил на завалинку и начал свертывать папироску. Он крикнул, зажег спичку, прикурил и держал спичку, пока она не догорела и не приггла ему пальцы. Черкесы, не обратив на комиссара внимания, все разом заговорили с Ахметом.

Ахмет остановил галдеж:

– Одна половина сердца там, другая половина сердца здесь, одно ухо кричит, другое пищит, как можно понять? Говори ты, Айса.

Айса говорил быстро и отрывисто, иногда прерываемый возгласами Муссы.

– Кто мог знать, что ты, Мусса, из аула Улляп, глупый, как барашка, – выслушав Айсу, сказал Ахмет и решительно заявил: – Газават-зао ведет великий пши Кочубей, а пши Кочубей идет по законам Ленина. Понял, глупый Мусса из аула Улляп?

– Кто такое Ленин? – процедил Мусса.

Ахмет вспыхнул:

– Ленин родился от солнца и луны. Ленин рода курейшипов, и все знают это, а откуда Султан-Гирей – никто не знает.

– Ханоко из рода курейшипов, а курейшипы – род пророка, – раздраженно сказал Мусса.

– Откуда ты знаешь, Мусса? – ехидно задал вопрос Айса. – Ханоко сам тебе сказал? Почему ты его любишь?

– Похожий похожего любит, – изрек горец из Джиганаса. – Растет дуб один, а корней много.

Резкий голос Ахмета выделился из общего шума:

– Ханоко умрет, а Ленин будет жить. Ханоко выроют шакалы, и кто будет знать, где его кости? А Ленин всегда будет ходить в белой-белой, как горный снег, черкеске, и будет стоять Ленин, как Эльбрус, и светить днем, как солнце, а ночью – как луна. Все будут знать Ленина, а кто будет знать ханоко, кто?.. Молчишь, Мусса?

Глава XI

Шла долгая и упорная борьба. Держала бригада Кочубея район по реке Невинке до станицы Георгиевской, хуторов Роцинских, Воровсколеской станицы и Сычевого кряжа. Впереди фронта огромное Баталпашинское плато – десятки тысяч десятин сенокосных угодий. Против бригады стоял генерал Шкуро. Состязались на фронте казак Кочубей Иван и бывший его начальник полковник Шкуро Андрей Григорьевич. Вправо, до самой Невинномысской, бродили кочубеевские разъезды.

Степные Суркули надолго стали резиденцией Кочубея. Небольшой дом, с глухой стенкой на улице, – штаб бригады. Начальник штаба, покусывая длинный вороной ус, добросовестно изучал карту.

С тобою я привык мечтать,
С тобою, ясною звездою... —

вполголоса напевал Рой, поворачивая карту, гремевшую, точно лист железа. Много муки пошло на ее склейку. Многоводная, расплываясь фиолетовыми волнами, извивалась Кубань. Реку нарисовал Рой, а подправил химическим карандашом Кочубей, начертив, где полагается у берегов, подобие елочек – леса. Станицы изображались квадратами, примерно со спичечную коробку. Над квадратом Суркулей краснел флаг. Дом штаба на карте был нарисован; из трубы валил курчавый дым, за трубу дома была привязана лошадь, похожая на собаку (творчество Ахмета), что означало коновязи. Большое дело для черкеса изобразить живое существо. Коран издавна запретил рисовать, чеканить на изделиях золота, серебра и кости изображения людей и животного мира. Не препятствовал начальник штаба творчеству Ахмета, хотя и закрывала лошадь черкеса половину Курсавки, полностью село Куршавское, спуская хвост в степное мелководное озеро Медянку. Начальник штаба, сочным баском продолжая песню, наносил на карту новые перегруппировки противника. Белогвардейские полки распределялись по фронту еле заметными кружочками, а кочубеевские сотни алели огромными эллипсами, обращенными стрелами на врага. Это для психологического воздействия на вызываемых в штаб командиров.

– Гляди сюда, – обычно говорил Кочубей, раскладывая карту. – Видишь, яка у тебя сила и яка у них?

Командиры чесали затылки, крихтели, убеждались в явном графическом превосходстве своей сотни над неприятельским полком, смущенно бормотали:

– Верно. Яка козявка меня кусает! Тю, грец... Ну, батько, таку расчехвостим...

Ахмет, стоя у окна, внимательно следил за Кочубеем. Во взгляде темных блестящих глаз телохранителя было что-то тревожно-преданное. Он был поставлен охранять жизнь величайшего, по его мнению, воина. Поэтому он никогда не отходил от Кочубея. Когда Кочубей спал, Ахмет дремал, привалив двери своим сухим, мускулистым телом горца. Когда комбриг бредил, Ахмет открывал глаза и настораживался. Когда чувствовал опасность или чуткий слух его улавливал звуки, выделяющиеся из привычного ритма прифронтовых шумов, Ахмет напрягался, собирался в клубок, готовый барсом прыгнуть на врага.

Кочубей, прибыв с фронта и сняв сапоги, быстро шагал по комнате в шерстяных, выкрашенных фуксином носках.

Вокруг – в беспорядке сброшенное им оружие. Не обращая внимания на двух женщин, жену Настю и Наталью, случайно зашедшую в штаб, Кочубей на ходу распоясался, быстро вытащил из-под очкура рубаху, потряс ею, чтобы дошла до его вспотевшего тела прохлада, остановился, выгнулся, полуобернувшись, приказал:

– Начальник штаба, иди сюда, подери мне когтями спину.

До спины батки допускались только избранные. Рой, отложив диспозицию, не торопясь подошел, запустил руки под рубаху, начал деловито чесать. Кочубей, казалось, мурлыкал от наслаждения, довольный, приговаривал:

– Ох-ох... Ще, под самой лопаткой! Во-о-о! Ниже... Во-о-о! По хребту, ще, ще... Во... Срезал когти?... Во-о-о!.. Ну, будет. Оставь шкуры до другого раза.

Разогнавшись, прыгнул в кровать, утонул в пуховиках. Три перины – слабость Кочубея. Потянулся до хруста. Закинул руки за шею, прикрыл глаза, улыбнулся, тихо сказал:

– Адъютант, жарь колбасу!

– Есть жарить колбасу.

Левшаков скрылся. Дверные щели пропускали вкусные запахи. Шипело сало. Слышалась команда Левшакова и ворчливый голос хозяйки. Сыны у хозяйки ушли к Шкуро, и она вечно недовольна постояльцами и бранчлива. Штаб расположен в горнице – парадной половине казацкой хаты; колбаса жарилась в теплушке – черной половине, где жили хозяева и после отела – телята. В теплушке земляной пол, русская печь, плита, кровать, прикрытая ряднами, на полу топливо – кизяки и солома. В горнице деревянные полы, стол, занавески на окнах, койка для гостей, вычурно резной шкаф, сундук.

Кочубей блаженствовал. Трое суток в седле. Поединки, короткие стычки. Пыль и дождь. Душные костры-шипуну из сырого дубняка.

– Хуг!.. хуг!.. – пыхтел он, поглаживая живот. – Хуг!.. хуг!.. Як дела, Настя? Чего нового, милосердная сестра?

Вопросы праздные. Задавая их, Кочубей не требовал ответа. Он закрыл глаза. Он отдыхал. Наталья первый раз видела комбрига в домашней обстановке. Она недоуменно пожимала плечами, искоса поглядывала на Роя, улыбалась.

Осторожно ступая, чтобы не слышен был скрип щегольских «румынок», отставив назад руки, подошла к Кочубею жена.

Женщина нагнулась и быстро поцеловала любимого. Но сейчас же испуганно отпрянула назад, так как Кочубей вскочил разгневанный.

– Геть! Я ще не подсказывал цилувать!

Женщина, застеснявшись, ушла на кухню. Ахмет довольно цокал языком и крутил плетью.

Неожиданно для всех вскочила Наталья, наблюдавшая эту сцену. Ее лицо горело. Белокурые волосы беспорядочно выбивались из-под платка. Она подступила к Кочубею:

– Что ты надсмехаешься?! Герой!

Кочубей привстал, соорудил удивленную мину.

– А ты шо мне за указ?

– Жена она тебе или не жена?

– Жена, а як же...

– Ну и обращаться надо, как с женой. – Презрительно бросила: – И за такую чуму Деникин мильон обещает!

Наталья вернула подругу из кухни. Отняла ее руки от заплаканного лица.

– Ты б его рогаком, – посоветовала Наталья, – почесала бы ему спину вместо Роя.

Обернувшись к комбригу и укоряюще глядя своими детскими глазами, сказала:

– А еще красный командир! За революцию...

Кочубей был смущен.

– Не могу прекословить, – оправдывался он. – Мост взяла. Кабы не девка – в сотенные б произвел.

Появился Левшаков. Откинув чуб рукой, вымазанной в саже, он торжественно отрапортовал:

– Колбаса шкварчит, как живая, пережаривается!

– Давай на стол! – обрадованноскомандовал Кочубей, садясь рядом с Кандыбиным.

Хозяйка внесла сковороду. На сковороде шипели круги колбасы. Адъютант взял из рук хозяйки сковороду и церемонно поставил ее на стол.

– Ну, моя милка, сидай с нами, – пригласил Кочубей жену, полуоборачиваясь. – Да и ты, королева, садись, гостем будешь.

– Некогда мне колбасами заниматься, – отказалась Наталья.

Настя покорно присела.

Кочубей поведал свои мысли комиссару:

– Был я, Вася, на фронте. Нельзя держать в ямках всадников. Не конное это дело. В окоп сажать надо брюхолазов. Надо, Вася, нам своей пехоты.

Он вопросительно смотрел, поставил локоть на стол и потирал пальцем шрам, что был у него чуть повыше лба. Серые его глаза были колючи. Узкие губы и властный подбородок придавали лицу сердитое выражение. Крепкая медная шея вспотела.

– Не забыл я еще того случая, як ты меня чуть штыком не заporол в Рождественском хуторе. Пехота у тебя была тогда. Добра пехота – дербентцы, да мало. Давай, комиссар, старбузем свой полк, – неожиданно решил он, – бо нема надежды на их части.

– А откуда людей вербовать? – осторожно спросил комиссар. – Люди-то, пожалуй, все по частям расписаны.

– Это полдела! – воскликнул Кочубей. – Дезертиров сберем, займем буржуев, что ЦИК мобилизовал. С утра пораньше пробежим до фронта, Вася, поглядим, шо и как, а потом подадимся до Пятигорска.

Определив молчаливое согласие комиссара, встал из-за стола, потянулся, зевнул и ушел спать.

Глава XII

Коротки кубанские ночки. Настя вскочила, когда сквозь щели пробивались светлые струи и, обычно незаметные, пылинки вращались в них быстро и игриво. Кочубея уже не было. За дощатыми стенками сарая жил шумной жизнью штабной двор. Цукали на коней, ругались. Кто-то, вероятно, часовой, кричал:

– Комбриг на фронте! Нет в штабе комбрига. Куда прешь?!

– Аллюр два креста. От начдива Кондрашева, – обрывал часового резкий голос гонца.

В сарай не заходили. Сено в сарае было бурьянистое, засоренное. Дежурная часть держала лошадей на зеленой люцерне-отаве и ячмене.

Настя завернула постель и вышла из сарая. Во дворе, залитом ослепительным светом, на Настю никто не обратил внимания.

На фронт отправляли сало в мешках и печеный хлеб, наваленный в рундуки-пароконки. Плечистый рыжий детина, взобравшись на повозку, устанавливал в ящики с соломой кувшины с молоком и сметаной. Настя знала рыжего детину. Это был Кузьма Горбачев, старшина третьей сотни.

Кувшины Горбачеву подносила босая баба с подоткнутыми юбками. Горла кувшинов были увязаны тряпками с прослойкой отрубей, чтобы не расплескать содержимого в дороге.

Горбачев, поминутно откидывая спадавшую на глаза чуприну, очень внимательно просматривал кувшины, прежде чем уместить их в ящик. Старшина журил бабу:

– Приказываю, приказываю – на фронт только поливанные кувшины, а ты все самые кволые, леченые да выщербленные.

– Какие есть. Нема посуды в хуторе, всю порастаскали, – вяло оправдывалась женщина. – Все туда, все туда, а обратно нету возврата. Бьете же, чужого-то не жалко.

Горбачев, отбросив за спину мешавшую ему неуклюжую драгунскую саблю и подтягивая портупею, увидел Настю.

– Здорово, Настя! Что-то долго спишь, королева.

– Погоревала раз в год, завидки взяли, – улынулась Настя. – Кому каймак?¹⁰

– Хлопцам, под Привольный хутор.

Во двор верхом въехала Наталья. Услышав разговор, крикнула:

– А что, Горбач, воровсколесские девчата ай изменили?

– Тю-тю... вспомнила! В Воровсколеске уже вторые сутки Покровский, что ж, он пустит девчат в красные окопы!

– Вот бедные!

Наталья, по-мужицки спрыгнув с лошади, подошла к Насте, свежая и возбужденная.

– Настя, Роя не видала? – спросила она, глянув вопросительно своими синими глазами.

– Да вот он, – указала Настя.

На крыльцо вышел Рой. За ним из двери протиснулся начальник санитарной части бригады:

– Нельзя тяжелораненых держать при нашем лазарете. Сложную хирургию, операции, требующие ампутации, я не могу производить в таких условиях. Вы представляете, трепанацию черепа делать...

– Что вы рекомендуете, доктор? – перебил Рой, взявшись за лук седла.

– Тяжелых эвакуировать в Минводы.

Рой вскочил в седло.

¹⁰ Каймак – густые топлёные сливки.

– Минводы превращены в госпиталь всей армии. Там люди по двое суток ожидают простой перевязки. Комбриг не пойдет на это.

– Но у меня передовой перевязочный пункт. По положению я...

Рой начинал надоедать этот маленький человек, беспомощный и суетливый. Сдерживая нетерпеливого низкорослого «киргиза», прославленного как иноходца, снова перебил врача:

– Повторяю: стационарные госпитали глубокого тыла забиты ранеными. Противник развивает наступление. Комиссар взялся оборудовать лазарет бригады в Курсавке, на днях госпиталь будет готов. Пока расширьте пункт, привлеките медперсонал. Мобилизуйте фельдшеров станичных околотов – ведь это прямо-таки чародеи. В Нагутах, Султанском вами до сих пор не реквизированы частные аптеки. Будьте готовы, доктор, скоро с фронта начнут поступать раненые...

Только сейчас Рой заметил жену комбрига и Наталью. Он кивнул им. Наталья безразлично отвернулась и перекинулась пустяковой фразой с Горбачевым. Настя дернула ее за рукав.

– Наташка, ты же про его спрашивала, про Роя-то.

– Да ну его! – отмахнулась Наталья. – Раздумала.

– Что ты, Наташка, ломаешься перед ним, как сдобный сухарь перед чаем, – укоризненно сказала Настя, – что, он парень плохой? Одной рукой и узла не завяжешь. Поженились бы!

– Ну его, Настя! Давай про другое, – попросила Наталья.

– А как под горку ходить да за камыш – не ну его? – не унималась Настя. – Ребята уже заметили.

– Много шуму, да мало толку, Настенька.

За начальником штаба двинулись всадники. В запасных тороках и узлах они везли бутылочные бомбы и гранаты. Окончив погрузку, Горбачев сел на лошадь, оправил саблю, принял в седле достойную позу и во все горло заорал:

– Трогай!

Часовой с перевязанной головой бросил вдогонку:

– Жителей постеснялся бы. Орет, точно катрюк.

К часовому подошел развязной походкой фуражир, известный в бригаде под кличкой «Прокламация». Фуражир никогда не бывал на фронте, но все боевые и прочие новости знал первым и всячески их перевирал. Малейшие неудачи он раздувал в панические слухи, и тогда слова: «окружили», «продали нас», «измена» – не сходили с его уст. Его поэтому и не брали на позиции, определив навсегда в должности фуражира. Сегодня на фуражире был кожаный картуз, и, несмотря на жару, на голое тело был натянут тесный солдатский ватник.

В одиночестве он решил поделиться кое-чем с часовым, оставленным при штабе из-за легкого ранения в голову.

– В сухомытку, ребята, пожалуй, сто суток, – сказал фуражир, – кухни-то все пехоте передали. Последнюю кухню – и то Горбач на кобылу сменял. Да хоть бы кобыла, а то тьфу!

– Несчастливая наша бригада, – заметил часовой, почесываясь. – У всех смена есть, а мы в котел головой.

– Скоро будет смена, – тихо, оглядываясь, чтоб придать вес своим словам, сообщил фуражир. – Завтра сам батько думает податься в Пятигорский город.

– Что он там забыл? – недоверчиво спросил часовой, подозрительно прищурившись.

– Пятьдесят тысяч буржуев нам обещали... подкрепить бригаду.

– Что ты, Прокламация, что мы с ними будем делать? Их за неделю не перерубаешь, пятьдесят тысяч. – И, обратив внимание на выходящую из ворот Настю, улыбнулся: – Вот это подкрепление, да? Что-сь, видать, вкусное понесла супруга? Аж сюда пахнет.

– Галушки варила с курчонком да вареники месила, стало быть, их и понесла, – доложил фуражир и, посвистывая, вышел на пыльную улицу.

По улице бегали мальчишки, играя в поезд, шипели, подражая паровозу, пронзительно кричали, бросали пригоршнями пыль.

Со стороны Султанского тракта показались подводы, запряженные длинноногими калмыцкими волами. Мальчишки бросились к возам:

– Дядя, а дядя, дай кавуна, дай дыню-комковку, дядя!..

Мажары приближались. Мальчишки возвращались, нагруженные арбузами и дынями.

– Вот штаб, дядя, – указывали они, – здесь Кочубей живет.

Фуражир, почуяв какую-то очередную сенсацию, завязал тесемки ватника, отряхнул фуражку, надев ее так, чтобы сбоку лихо торчал пегий чуб. Возы, их было три, остановились. Казак-подводчик снял шапку.

– Можно повидать командира, товарища Кочубея? – обратился он к фуражиру.

– А зачем он вам, товарищи жители?

– Да привезли мы солдатам красных кавунов да дынь в подарок от нашего хутора, от Виноградного.

– Нет Кочубея, товарищи жители. Отбыл командир бригады вместе со всей бригадой на фронт.

– Что ж теперь делать, раз нема Кочубея? Может, вы примете, – попросил нерешительно казак.

– Не могу, – отказал фуражир. – Вот если бы привезли сено или зерно, тогда уполномочен.

– А на фронт можно, товарищ, отвезти?

– Везите, – снисходительно разрешил фуражир. – Вот только сейчас старшина, некто товарищ Горбачев, обоз повел к фронту. Кабы вы были на конях, а не на быках, может, и догнали бы. А то попытайте.

Казак поблагодарил и взялся за налыгач¹¹.

– Цоб, цоб! – покричал он на быков, и подводы, до отказа груженные арбузами и дынями, тронулись в путь.

Часовой, выйдя за ворота, подсвистнул.

– Поснедают добре ребята, а то там ни одной бахчи не осталось. Все сгорело – бои ж.

Обращаясь к фуражиру, подсадовал:

– Как же это ты не мог зацепить арбуза, а? Эх ты, а еще Прокламация!

– Не мог, – передернул плечами фуражир. – При исполнении служебных обязанностей... не уполномочен.

* * *

Володька вторые сутки блаженствовал в отдельном полевом карауле у озера Медянки. Кругом камыш, сочная стрельчатая осока, желтые болотные цветы. Стреноженные кони паслись за камышом. Впереди, на бугре, в глинище караул. Володька отпросился в охранение посыльным. Полевой караул у Медянки охранял Суркульский тракт, и днем дел особых не было. Только ночью могли прошмыгнуть вражеские разъезды к сердцу бригады – Суркулям. Ночью начальник заставы сгулчал полевые караулы, и Володька ходил в секрет или в дозор.

Володька лежал на животе и, заткнув уши, упивался увлекательными событиями, пронесшимися над «пылающим островом». Рядом валялись сапоги, и на осоке просыхали коричневые от юфтовой кожи портянки.

Володька третий раз перечитывал книгу. Эту книгу дал ему Левшаков. Судя по словам Левшакова, книгу он достал у сестры милосердия Натальи, у которой, опять-таки судя по его

¹¹ Налыгач – часть воловьей упряжки, род повода.

словам, адъютант пользовался расположением. Чтобы прочитать книгу, Володька попросился на тихую работу, в заставу.

Сердцу Володьки были милы события, описанные в книге. Ему близко было и само название «пылающего острова» – Куба. Там люди дрались за свободу тяжелыми мечами, которыми они раньше рубили сахарный тростник, – здесь, рядом с Володькой, легкий клинок и подобие тростника...

Партизанский сын закрыл книгу, вздохнул и долго смотрел на красный переплет тисненой обложки.

– Луи Буссенар... Буссенар, – задумчиво шептал он. – Есть у нас такой?

Перебирал Володька людей бригады, и ни на кого нельзя было возложить столь почетной обязанности. Писать было о ком, а некому. Володьке даже взгрустнулось немного, а потом снова провихрились перед ним боевые будни, прославленные подвиги, шумной ватагой взметнулись властители дум его – бесстрашные Кочубей, Михайлов, Кандыбин, Батышев, Наливайко...

Нелепой показалась ему мысль, что не будет о них известно, что не узнает никто об этих непостижимых людях. Ведь каждый день жизни их – это целый «пылающий остров».

– Напишут... ей-богу, напишут! – громко воскликнул Володька, вскакивая на ноги. – А вырасту большой – сам напишу.

И от этого внезапного решения стало ему настолько радостно, что захотелось прыгать, плясать и кувыркаться. Забыв, что он в дозоре, Володька, приложив ладони ко рту, заливисто и протяжно заорал:

– Да здравствует... батяно!

Сверху цыкнули, и кто-то мощным басом крепко выругался. Володька сразу присел, и ему стало бесконечно стыдно. Вспомнил, что ему стукнуло уже тринадцать, посерьезнел.

«Надо себе тоже потяжелей шашку выменять, – решил он, – чтоб была похожа на кубинский палаш – мачете, а то не шашка, а хворостина».

Он вынул из ножен клинок, рассмотрел. Рукоятка была сделана из черной кости горного тура, на клинке были вырезаны непонятные арабские буквы. Вышел клинок из-под ловких рук знаменитого дагестанского оружейника. Не знал этого Володька, и хотелось ему оружия, равного сказочному мачете восставших кубинских рабов.

Непрерывно верещали кузнечики, и казалось, плотный влажный ковер зелени сплошь был выткан из этих стрекочущих звуков.

Вдруг кто-то опустил руку на его стриженую черную голову. Володька вздрогнул, быстро обернулся.

– Настя! – обрадовался он.

– Испугался? – пошутила Настя.

– Чуть-чуть, Настя, вот на столько, – согласился Володька, отделяя на мизинце не больше сантиметра.

Настя присела.

– Иду на фронт, до Вани, – сообщила она, – несу поесть ему, что бог послал. Кто с тобой? Наливайки нет, случаем?

– А зачем тебе Наливайко, Настя?

– Да боюсь я его, Володя, – просто сказала женщина, – все надо мной насмехается; что я ему, чи поперек дороги стала?

– Удержишь на заставе Наливайку! Тут Грбовой.

– Свирид?

– Ну да.

– Подходящий казак, – сказала Настя, подтягивая концы платка и разглядывая себя в зеркальце. – Вареники будешь, Володя?

– Нет, мы уже поснедали, полудновать рановато, – отказался Володька и стал обуваться, ловко обернув ногу портянкой.

– Натуральный мужчина, – похвалила Настя. – Вот мой с чулков не вылезит. Спарился. К портянке не приучен.

– По тревоге – чулок удобней, Настя, потому, стало быть, батко портянку отверг... А вон и подходящий казак, – подмигнул Володька и покраснел.

От глинища, гремя ведром и шашкой, сполз человек, опутанный пулеметными лентами. Голенища у него были подвернуты почти наполовину, вероятно, чтобы показать красную сафьяновую подклейку.

– А, Настасья батковна, в гости пожаловали? – издали приветствовал Гробовой. – Садитесь, ложитесь. Володька, ставь самовар, бежи за конфетами.

– Все шуткуешь, Свирид? – улыбнулась Настя.

– А что нам, холостым, неженатым! – ответил Гробовой.

– Гашка-то где твоя?

– На кадетской земле Гашка моя осталась, в Джегуте. Сердце горит, душа болит. Скоро в воду сигать придется. Послал ей о себе известие, зову, – может, и проскочит до нашего красного лагеря... Ну, пойду коней поить. Дичинкой бы тебя угостили, да, ты сама знаешь, два дня у Медянки бой шел, всех утей разогнали, одни лягуны остались.

Гробовой ушел, лихо выворачивая пятки.

– Хороший мужик, – глядя вслед ему, сказала будто про себя Настя, – языком мелет много, а, передавали бабы с баженского обоза, дуже по жинке да по сынку скучает Свирид. Боятся, кадеты израсходуют. Ну, пока, Володька. Дай поцелую!

– Иди-иди, не маленький! – сердито нахмурился Володька, глядя исподлобья и подтягивая повыше пряжку портупей.

Кочубей вглядывался вначале невооруженным глазом, потом – в бинокль.

– Ой, Вася, – раздумчиво произнес он, – шось не по моему сердцу вон та дубрава.

Комиссар долго шарил биноклем, но ничего не видел.

– Маскировка, Ваня.

– Вот где эта маскировка у меня сидит, – сказал Кочубей, указывая себе на затылок. – Подходит к дубраве балка, и видел я, кто-сь выскочил из той балки верхи. Надо сделать разведку, а то беда хлопцам моим будет.

Кочубей освободился от своего оружия, снял черкеску, остался в бешмете, ладно обтягивающем его упругое тело. Засунул маузер за пояс и, немного подумав, заложил за пояс и полы бешмета.

Они были скрыты от противника небольшим взгорьем. Впереди желтоватое, выбитое конницей поле. По взгорью и влево по полю – примитивные окопы и пулеметные ямки кочубеевцев. Западной еле-еле виднелись кресты георгиевской церкви.

Кочубей, передавая оружие Ахмету, приговаривал, стараясь найти в голосе наиболее ехидные и язвительные оттенки:

– Деникин за мою голову два чувала¹² грошей сулит. Во, зараз я им выкину кренделя. Хай половят Кочубея! Айса, подай второго заводного, Урагана, – Зайчик не такой страшный.

Ураган – табунный жеребец, пугливый и нервный. Глаза жеребца были налиты кровью, он рыл землю копытами, приседал на зад и, изловчившись, мгновенно поднимался «свечкой». Черкесы, сдерживая его, повисли с двух сторон на поводьях. Кочубей подошел, перекинул повод и моментально прыгнул на жеребца.

– Расстпись!

¹² Чувал – мешок.

Комбриг вынесся из-за взгорья, вскочил на седло и, стоя, помчался к подозрительной дубраве. За Кочубеем поднялась вихревая полоса пыли. Кандыбин схватил бинокль. Везде из окопов поднялись люди, жестикулируя и наперебой выкрикивая слова восторга. Полоса бурой пыли сделала поворот. Теперь ясно был виден комбриг, скачущий у самой дубравы. Выстрелы. Кочубей упал. Ловить одинокую лошадь пустилось не меньше полусотни казаков, вырвавшихся из дубравы. Расчет Кочубея оправдался. В леске накапливалась конница! Но какой дорогой ценой добыты эти сведения! Лишенный всадника, мчался Ураган, за ним казаки. Комиссар выхватил клинок и подал команду атаки. На его руке внезапно повис Ахмет.

– Нельзя, комиссар, нельзя, нельзя ломать обедня. Смотри в оба глаза! О!

Ахмет орал и плясал, Айса подкидывал вверх шапку. Комиссар понял причину веселья адыгейцев. Кочубей был жив, он пронесся мимо, соскользнул с седла, свистя, хохоча и ныряя головой в волнистой гриве... Направил Урагана в гущу погони, стоя врезался в преследователей, гоня их обратно, паля из маузера. По полю заматались осиротевшие кони.

Только беспокойные поколения всадников могли дать такого потомка. Недаром в бригаду Кочубея приходили отважные джигиты из горной Осетии, Черкесии и Кабарды. Шли потомки знаменитых абреков, клали к ногам красного командира Кочубея обнаженные пашки – знак преданности – и клялись быть верными бойцами революции.

* * *

Выбивать белых из леска подался Наливайко. Кочубей умывался, фыркая в ладони, словно кот. Ему из фляжки сливал теплую воду Ахмет.

– Полей за шиворот, – попросил комбриг.

Адыгеец охотно опорожнил фляжку за шиворот комбрига.

– Вот зараз поснедаем! Как думаешь, комиссар? – сказал комбриг, утирая лицо и шею чистым носовым платочком, который накануне ему подарила Настя.

Умывшись, Кочубей сел за галушки.

– Вот забота! – толкая в бок Кандыбина, похвалился Кочубей, делая это незаметно от Насти, сидевшей поодаль. – Гляди, яких вареников нагарбузовала. Только малы. Для фронта надо вареник с конскую голову, щоб сразу сыт с одного заглота. Настя! – позвал он. – Подойди.

Настя приблизилась, сияющая и веселая.

– Вы чего звали, Антонович? – скромно спросила она. По обычаю всех казачек, она называла мужа при людях на «вы» и по отчеству.

– Сидай, а то убьют, – пригласил Кочубей. – Где была, шо видела?

– Видела Володьку.

– Где? – оживился комбриг. – У Медянки?

– У Медянки, – подтвердила Настя, – книжечку читает.

– Ишь, грамотюка! – с гордостью воскликнул комбриг. – Сызмальству в книжках да в науке корень ищет, не то шо мы, чабаны. Счастье ему. С молодого возраста в такое доброе время попал. Кончим кадета, сядет Ваня Кочубей за грамоту. Як ты думаешь, Васька?

– Не сядешь, Ваня, – усомнился Кандыбин, – что-то тебя на науку не тянет.

Сомнения комиссара имели под собой некоторую почву. Согласившись учиться грамоте, Кочубей очень уж старательно избегал занятий с комиссаром, стыдясь этой запоздалой страсти, хотя букварь бережно хранил в сумках вместе с запасными подковами, тренчиками и пачками маузерных патронов.

Кочубей, испугавшись, что комиссар разоткровенничается при жене о занятиях, быстро повернул разговор в другую сторону.

– На войне грамота не нужна. Зараз расскажу, як здорово я грамотного полковника подвалил. Ахмет не даст сбрехать. Ахмет! – позвал он.

Когда Ахмет подошел, комбриг продолжал рассказ:

– То дело было ще до твоего прихода, комиссар. Вот так было, як сегодня с жеребцом, так тогда с полковником. Выкинул я белую портянку из окопа вместо флага и сам вылез. Кадеты высунулись. Погукал я, як мог, во всю глотку: «Кто хочет один на один против Вани Кочубея?» Молчат. Спрятались. Я снова гукаю: «Нету, знать, храброго середь исусова войска?» Застеснялись. Вылез самый их главный полковник, красивый, высокий, – может, сам великий князь, – кричит, як резаный, тоже мне не уважит: «Держись за землю, рыжий хвастун, когда будешь падать». А мне – як вареником по губам: «Вот это на дело схоже». Порешили мы стреляться на маузерах. Он меня пулею в самый вершок шапки, в голову, мабуть, целил. А я его в грудь, просек, видать, насквозь. Упал, як чувал с половой. Дернули его в окоп, только подошвы сверкнули. А мабуть, грамотюка был, не хуже моего Володьки! – заключил комбриг и начал одеваться. – И выходит, комиссар, пока суд да дело, як-нибудь без грамоты, – подмигнул комбриг, – а на всякий дурной случай для письменных делов есть у меня Володька, Левшаков... Так, што ль, Левшаков?

– В натуре так, товарищ комбриг, – бодро согласился адъютант.

– Шо ты там кончил? Якую заведению? – игриво спросил Кочубей, подмаргивая комиссару.

– Церковноприходской ниверситет, товарищ командир бригады.

– Видишь, який у меня штат, – гордо приосанился комбриг. – А Рой все удивляется, почему да отчего я генералов луплю.

* * *

Горбачев, возвращаясь с фронта, завернул в караул поболтать с другом своим, Свиридом Гробовым. Там он увидел Володьку, навоящего песочком и суконкой игру на клинок. Взял в руки Горбачев Володькину шашку, и запело в нем сердце менялы.

– Давай не глядя, навкидок, – предложил он.

– Не глядя не выйдет, а погляжу – может, с додачей покумеемся, – согласился Володька, поставив вопрос, как ему думалось, на довольно солидную почву.

Сабля Горбачева отвечала всем требованиям кубинского инсургента, была длинна, широка, а главное – неимоверной тяжести.

Обмен состоялся, и Горбачев, довольный проведенной сделкой, торопливо убыл, не сообщив даже как следует фронтовые новости.

Глава XIII

В полдень следующего дня конский топот резко оборвался у главного подъезда отеля «Бристоль» в городе Пятигорске. С коней спрыгнули всадники. Восхищенный шепот пополз по бульвару. Сгрудилась любопытная толпа. Как же – с Курсавки, с фронта прибыл известный Кочубей.

– Вот это и есть он?! Тю, какой маленький!

– Маленький, да колючий. Не человек, а шило.

В «Бристоль» заседал ЦИК Северокавказской республики.

Кочубей, бросив поводья коноводу, вприпрыжку пошел к подъезду. За ним шли Кандыбин и Ахмет.

В дверях столкнулся с председателем ЦИКа Рубиным.

– Это ты главный будешь? – спросил Кочубей.

– Да я, – ответил Рубин, поглаживая бритую остроконечную голову.

Кочубей небрежно сунул ему руку и, взяв за локоть, отвел в сторону.

– А я – Ваня Кочубей. У меня до тебя есть дело. Мы с комиссаром надумали старбузовать пеший полк моего имени, во!..

– Ну и организуйте, а я при чем? – удивился Рубин, пытливym взглядом изучая Кочубея, известного ему до этого только понаслышке.

Кочубей подбоченился, язвительно скривил губы.

– Во! Правильно! Кабы я смог без твоей помощи это сделать, то на кой черт я бы сюда ехал?

Рубин, недоуменно пожав плечами, улыбнулся.

– Вы, может, ясней выскажетесь? Чем я вам могу быть полезен? – спросил он.

Кочубей, установив неподдельную искренность Рубина, снова взял его за локоть и, нагибаясь, вкрадчиво шепнул:

– Слышал я, шо ты буржуев намобилизовал окопы рыть?

– Да... Но какое это войско?

– Это моя забота, а не твоя, – произнес Кочубей, великодушно похлопывая Рубина по плечу. – Ты мне отпусти пятьсот або шестьсот человек. Только щоб были обуты и одягнуты. Понял?

Получив согласие и почувствовав доверие к этому человеку, Кочубей, подозвав Кандыбина, отвел Рубина в угол вестибюля, к широкому окну, наполовину заколоченному фанерой.

– Слухай, Рубин, да и ты, комиссар, – насупившись, сказал Кочубей. – Я одного не могу никак понять. Якой судьбой Сорокин командует армией всей? Дать ему полк, во!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.